А. А. Семеновъ.

Очерки

изъ исторіи присоединенія вольной Туркменіи

(1881—1885 г.г.)

По архивнымъ даннымъ.

Ташкентъ.
1909

Очерки изъ исторіи присоединенія вольной Туркменіи

(1881—1885 г.г.)

По архивнымъ даннымъ.

Въ текущемъ году, 4 марта, исполнился знаменательный юбилей—25-лѣтіе со дня фактическаго присоединенія Мервскаго оазиса къ Россіи. Предшествовавшее этому событію паденіе Геокъ Тепе (12 января 1881 года) и основаніе Асхабада (18 января того-же года), административнаго центра Закаспія, дали возможность сначала распространить русское вліяніе и на другія мѣстности стараго Хорасана, а затѣмъ подчинить ихъ Россіи и образовать изъ нихъ ту громадную окраину Имперіи (около 540 т. кв. верстъ), которая называется *Закаспійской областью.*

Первымъ годамъ водворенія русской гражданственности въ этой области, главнымъ образомъ занятію самаго обширнаго и богатаго оазиса ея, Мервскаго, мы и посвящаемъ настоящій очеркъ. Онъ составленъ по доселѣ неизданнымъ, а, слѣдовательно, и почти неизвѣстнымъ публикѣ, документамъ какъ на русскомъ, такъ отчасти и на персидскомъ, туркменскомъ и узбекскомъ языкахъ, поименованнымъ въ примѣчаніяхъ-сноскахъ внизу приводи-

мато текста. Въ виду крайней неудовлетворительности переводовъ съ восточныхъ языковъ, сдѣланныхъ полуграмотными и невѣжественными переводчиками, нижеподписавшійся считалъ долгомъ просматривать такого рода оффиціальныя бумаги въ оригиналахъ.

Кромѣ письменныхъ памятниковъ, авторъ пользовался, по мѣрѣ возможности, и разсказами живыхъ участниковъ умиротворенія Закаспійскаго края; правда, свидѣтелей былого осталось мало, но и за то, что сообщали: Ахмедъ Бекъ-Эфендіевъ, бывшій переводчикъ при начальникѣ Закаспійской области, подполковникъ Марганія, бывшій командиръ туркменскаго конно-иррегулярнаго дивизіона[1]), и нѣкоторые сѣдобородые туркмены, слѣдуетъ быть весьма признательнымъ, а потому просимъ названныхъ лицъ принять нашу благодарность за ихъ разсказы и указанія.

Въ Татьянинъ день, 12 января 1881 года, по песчанымъ пустынямъ и барханамъ Средней Азіи пронесся громовой ударъ, заставившій содрогнуться даже безучастныя, покорныя волѣ рока, сердца восточныхъ людей. Это была вѣсть о паденіи послѣдняго оплота свободолюбивой туркменской вольницы. Крѣпость Геокъ-Тепе была взята русскими и отдана на трехдневное разграбленіе солдатъ. Этотъ эпизодъ надолго врѣзал-

---

[1]) Первый нынѣ состоитъ городскимъ головою въ гор. Нухѣ, Елисаветпольской губерніи, второй, въ чинѣ полковника,—командиръ Верхне-Удинскаго казачьяго по къ.

ся въ памяти текинцевъ[2]). Все, что могло бѣжать, въ паническомъ страхѣ мчалось по пескамъ, всюду распространяя вѣсть о приближеніи неумолимаго и грознаго врага. Въ числѣ такихъ былъ и выдающійся защитникъ Геокъ-Тепе, популярный вождь ахалъ-текинскихъ племенъ, Тызма-Сердарь. Это ужъ было послѣднее дѣло.

И степь притихла, точно затаила дыханіе, охваченныя ужасомъ племена не знали, что дѣлать. Деревни и укрѣпленія ужъ больше не помышляли о защитѣ и готовы были впустить «бѣлыхъ рубахъ» при ихъ первомъ появленіи.

Генералъ Скобелевъ въ прокламаціи отъ 21 января «приглашалъ» все оставшееся населеніе Ахалъ Теке повергнуть свою судьбу на безусловное милосердіе Государя Императора, причемъ обѣщалъ, «что жизнь, семейства и имущество изъявившихъ покорность будутъ въ полной безопасности какъ и всѣхъ прочихъ подданныхъ Его Величества Бѣлаго Царя. Напротивъ того, всѣ сопротивляющіеся Его побѣдоноснымъ войскамъ и отнынѣ продолжающіе упорствовать въ безразсудномъ сопротивленіи будутъ истреблены, какъ разбойники и преступники»[3]). Подѣйствовала-ли эта прокламація, или повліяли продолжавшіяся рекогносци-

---

2) Народная память до сихъ поръ сохранила про это скорбную пѣсню, распѣваемую тузем-ными рапсодами (см „Туркменская пѣсня про взятіе Геокъ Тепе", въ перев. А. Семенова, 4 кн. *Этнограф. Обозрѣн.*, за 1903 г., стр. 125—127).

3) Ахалъ-текинская экспедиція 1880—81 г.г. Геокъ-тепинскій бой. Изд. К. М. Федорова. Асхабадъ. 1904 г., стр. 17.

ровки въ пески, но такъ или иначе населеніе Ахала вскорѣ потянулось назадъ къ своимъ пепелищамъ, сдавая оружіе и ввѣряя побѣдителямъ свою дальнѣйшую судьбу. Въ числѣ ихъ былъ и Тыкма-Сердарь.

Расходившееся море человѣческихъ страстей начинало понемногу успокаиваться, однако его волны еще долго шумѣли и ихъ ропотъ и говоръ звучали на огромномъ пространствѣ отъ Каспійскихъ водъ до границъ Афганистана.

Но насколько было поражено совершившимися событіями туземное населеніе, настолько остались къ нимъ неравнодушными и сосѣдніе народы, ибо представлялся ужъ слишкомъ удобный и благопріятный случай «урвать» себѣ что-нибудь изъ обширныхъ туркменскихъ земель, благо что ихъ владѣльцы теперь такъ удручены и перепуганы. И сосѣди не замедлили выступить на путь всевозможныхъ интригъ и авантюръ. Это были: англичане, исконные политическіе враги русскихъ въ Средней Азіи, персы, такъ долго трепетавшіе предъ лихими туркменскими аламанами, владѣтели пограничныхъ съ Туркменіей полунезависимыхъ курдскихъ ханствъ, и, наконецъ, Хива и отчасти Бухара, не задолго передъ тѣмъ испытавшія силу русскаго оружія.

Въ то время, когда русскіе предприняли экспедицію въ Закаспійскія степи, англичане, вѣчно дрожащіе за свою Индію, естественно, испытывали большое безпокойство и потому въ Туркменію, чрезъ Афганистанъ и Персію, пробира-

лись агенты съ различными порученіями отъ «просвѣщенныхъ мореплавателей». Среди такихъ лицъ наиболѣе интересною фигурою является г. О'Донованъ (O'Donovan[4]), извѣстный корреспондентъ газеты *Daily News*.

Трудно представить, чтобы лондонскій кабинетъ могъ избрать этого джентльмена орудіемъ для приведенія въ исполненіе тѣхъ или другихъ политическихъ замысловъ Англіи въ Средней Азіи. До такой степени не вяжется это съ поступками г. О'Донована и его дальнѣйшимъ, не всегда корректнымъ, отношеніемъ къ престижу Англіи вообще.

Во всякомъ случаѣ О'Донованъ, благополучно пріѣхавъ въ Персію, всю зиму 1880/81 г. прожилъ въ Дерегезѣ, пограничномъ съ Закаспійскимъ краемъ курдскомъ ханствѣ,[5]) откуда онъ неоднократно порывался проѣхать въ Геокъ Тепе. Однако, благодаря нашимъ настояніямъ, О'Донованъ не былъ выпущенъ персіанами изъ предѣловъ Ирана и былъ принужденъ ограничиваться пассивною ролью наблюдателя тѣхъ событій, которыя разыгрались въ январѣ 1881 года въ ахалъ-текинскомъ оазисѣ.

Сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, конечно, не входило въ разсчеты корреспондента такой вліятельной и распространенной газеты, какъ *Daily News*, и О'Донованъ изъ Дерегеза направился въ

---

[4]) Или, какъ писали его имя въ своихъ реляціяхъ различные полковники и капитаны административнаго управленія Ахалъ-текинскаго округа, Делованъ.

[5]) Занимаетъ 3650 кв. верстъ. Хорошія клима-

Келатъ,[6]) гдѣ и прожилъ въ гостяхъ у мѣстнаго ильхани, англофила и знатока англійскаго языка стараго Бехбудъ хана, двадцать три дня. О время препровожденія О'Донована въ Келатѣ разсказывали интересную подробность геодезисту, штабсъ-капитану Гладышеву, посѣтившему Келатъ во второй половинѣ 1881 года.

О'Донованъ, совершенно не зная мѣстныхъ нарѣчій, всѣ двадцать три дня буквально почти пролежалъ въ Келатѣ, а затѣмъ, никого не предупредивъ, сѣлъ верхомъ и выѣхалъ въ Мервъ безъ проводника и безъ переводчика.

Въ Мервъ О'Донованъ пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Выдавая себя за лицо, уполномоченное англійскимъ правительствомъ, онъ сулилъ мервцамъ отъ имени этого правительства поддержку деньгами, оружіемъ и даже войсками противъ русскихъ, обѣщалъ выписать для исправленія оружія мервскихъ туркменъ англійскихъ оружейныхъ мастеровъ.

Не имѣя опредѣленнаго мѣста жительства, О'Донованъ разъѣзжалъ по селеніямъ и кочевьямъ туркменъ и первое время его обѣщанія производили извѣстное впечатлѣніе. Мервцы ему повѣри-

---

тическія условія, плодородіе и обиліе воды особенно отличаютъ этотъ округъ.

[6]) До 1885 г. былъ главнымъ городомъ небольшого ханства, номинально подчинявшагося Персіи. Неприступная крѣпость, выстроенная Надиръ-Шахомъ, откуда другое названіе Келат-и-Надири, т. е. крѣпость Надира.

ли[7]). Но это продолжалось недолго. Помѣшали начавшіяся затѣмъ сношенія мервцевъ съ русскими и поведеніе самого г. О'Донована.

Послѣ паденія Геокъ-Тепе двое сыновей убитаго при осадѣ крѣпости одного изъ главныхъ ея защитниковъ, Нуръ-Верды-хана, Махдумъ-Кули ханъ и малолѣтній Юсуфъ ханъ, не вернулись, какъ Тыкма Сердарь, къ русскимъ, а нашли пріютъ вмѣстѣ съ нѣсколькими защитниками Геокъ Тепе у мервцевъ. Однако, тоска по родинѣ, неизвѣстность, что станется съ ихъ богатыми землями и имуществомъ понуждали хановъ такъ или иначе возвратиться въ Ахалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ являлось и опасеніе, не сдѣлаются ли они жертвами возмездія «урусовъ» за былое сопротивленіе. Необходимо для этого было позондировать почву. Первый случай скоро представился.

Былъ среди мервскихъ туркменъ нѣкто Азизъ-Караерма, отчаянный предводитель аламанщиковъ, разбойникъ и сорвиголова. Вѣроятно для защиты своихъ владѣній не столько отъ набѣговъ другихъ туркменъ, сколько отъ хищничества шайки Азизъ Караерма послѣдняго при-

---

7. Телеграмма начальника Закаспійской области и командующаго въ оной войсками, генералъ-лейтенанта Реберга, отъ 9 іюля 1881 г. № 218 начальнику Главнаго Штаба, рапортъ его командующему кавказскою арміею отъ 19 окт. 1881 г. за № 3952 и рапортъ въ главный штабъ управляющему дѣлами военно-ученаго комитета отъ 19 янв. 1882 г. № 6 (секретныя дѣла гражданскаго отдѣленія штаба Закаспійской области №№ 1/1881—83 г., 4/1881—83 и 16/1831—82).

гласилъ охранять границы келатскаго ханства Бехбудъ-ханъ. Азизъ Караерма, получивъ отъ Бехбуда землю и воду, поселился въ предѣлахъ Келата съ другими выходцами изъ Мерва и Ахала. Но хотя «клычъ» лихого аламанщика и былъ замѣненъ плугомъ земледѣльца, однако, Азизъ Сердарь не могъ ужиться съ своимъ господиномъ и у нихъ возникли пререканія; и съ мервскими ханами Азизъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ изъза того, что они не оказывали ему должнаго уваженія. Жить ему стало не въ моготу. И вотъ «изгой», какимъ являлся Азизъ Караерма, завязываетъ сношенія, повидимому, дружественныя съ Махдумъ-Кули-ханомъ и его братомъ Юсуфъ-ханомъ, страстно мечтавшими о возвращеніи на родину. И съ согласія братьевъ Азизъ въ апрѣлѣ 1881 года присылаетъ генералу Скобелеву письмо, въ которомъ предлагаетъ свои услуги по проведенію среди главъ мервскихъ племенъ руссофильскихъ идей. Объяснялъ это Азизъ «единственно ревностнымъ желаніемъ послужить русскому правительству», хотя тутъ-же обусловливалъ предложеніе своихъ услугъ прощеніемъ Махдумъ-Кули-хану и дозволеніемъ вернуться послѣднему съ братомъ въ Ахалъ. Въ этомъ случаѣ Азизъ даже брался лично доставить къ Скобелеву Махдумъ-Кули-хана[8]).

Нежеланіе-ли генерала Скобелева проводить русское вліяніе въ средѣ туркменъ чрезъ человѣка болѣе чѣмъ сомни-

---

[8]) Переписка и проч. свѣдѣнія объ этомъ въ дѣлѣ № 1/188'—83 гг. гражданскаго отдѣленія штаба Закаспійской области.

тельной репутаціи, какова была у Азиза, или-же случившійся вскорѣ отъѣздъ Скобелева изъ края послужили причиною того, что письмо Азиза осталось, кажется, совершенно безъ отвѣта. Въ дѣлахъ того времени, по крайней мѣрѣ, нѣтъ на это никакихъ указаній.

И лишь съ пріѣздомъ вновь назначеннаго начальника Закаспійской области генералъ-лейтенанта Ревберга степь оживилась, и юный русскій Асхабадъ сталъ все чаще и чаще видѣть въ своихъ стѣнахъ представителей племенъ Теджена, Мерва и отдаленнаго Пенде. Душою такого оживленія были двое людей, игравшіе немаловажную роль въ распространеніи и упроченіи русскаго вліянія среди туркменскихъ племенъ. Это были Тыкма Сердарь и начальникъ штаба войскъ Закаспійской области, полковникъ баронъ Аминовъ.

Въ первой половинѣ іюля 1881 года возвращалась въ родныя кочевья изъ далекаго Петербурга ахалъ-текинская депутація во главѣ съ Тыкма Сердаремъ, пожалованнымъ покойнымъ Государемъ Александромъ III въ маіоры милиціи. Въ Красноводскѣ съ депутаціею случайно встрѣтился пріѣхавшій въ то время на службу въ край и полковникъ Аминовъ.

На пути въ Асхабадъ энергичный и дальновидный Аминовъ оцѣнилъ все то значеніе, которымъ пользовался у населенія вернувшійся отъ Бѣлаго Царя Тыкма-Сердарь, и угадалъ его истинныя чувства къ новымъ господамъ края. Пріемъ въ Петербургѣ произвелъ на Тыкма-Сердаря и прочихъ членовъ депу-

тацiи, повидимому, неизгладимое впечатлѣнiе; на всѣхъ ночлегахъ и отдыхахъ пути депутацiю встрѣчали толпы тузем-цевъ, окружали и закидывали всевозможными разспросами, причемъ, конечно, наиболѣе авторитетнымъ являлось слово Тыкма-Сердаря. Разсказы послѣдняго о величiи, могуществѣ и справедливости великаго Бѣлаго Царя были до такой степени искренни и правдивы, что производили необыкновенно успокаивающее дѣйствiе на слушателей, изъ которыхъ было не мало сомнѣвавшихся въ искренности нашего намѣренiя не притѣснять покореннаго народа.

Слѣдя чрезъ надежныхъ людей за разсказами Тыкма Сердаря, Аминовъ, по прибытiи въ Асхабадъ, вѣроятно, доложилъ генералу Рорбергу, поскольку бы могъ быть полезенъ намъ нынѣ позвеличенный милостями русскаго Императора бывшiй туркменскiй герой. По крайней мѣрѣ, спустя четыре дня послѣ своего прибытiя изъ Петербурга, Тыкма Сердарь экстренно выѣхалъ изъ Асхабада (18 iюля) въ пески со многими важными порученiями, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ

Тыкма Сердарю поручалось уговорить вернуться тѣхъ ахалцевъ, которые послѣ разгрома Геокъ Тепе бѣжали въ Атекъ[9]), Теджент и Мервъ и до сего времени не

---

[9]) Атекомъ, собственно, въ тюркскихъ нарѣчiяхъ называется мѣстность, прилегающая къ горамъ, подошвѣ горъ. Какъ географическiй терминъ, Атекъ обозначаетъ нынѣ названiе мѣстности отъ станцiи Баба Дурмазъ, Средне азiатской желѣзной дороги, до укр. Серахса (Атекское приставство, Теджентскаго уѣзда).

возвратились въ Ахалъ, особенно вліятельныхъ Махдумъ-Кули-хана и Юсуфъ-хана; склонить мервскихъ туркменъ къ дружественнымъ съ нами сношеніямъ и признанію нашего авторитета, взамѣнъ происковъ англичанъ и персіанъ,—вообще распространить наше обаяніе среди племенъ пустыни и собрать, по возможности, больше свѣдѣній о путяхъ и мѣстностяхъ. Причемъ, Тыкма Сердарю было внушено ничего не передавать мервцамъ отъ имени начальника области, а стараться достичь всѣхъ ожидаемыхъ отъ его поѣздки результатовъ личнымъ вліяніемъ и тактомъ[10]).

Кромѣ всего этого, на стараго сердаря было возложено также поручніе большой дипломатической важности, касавшееся, съ одной стороны, русскаго, томившагося въ плѣну у мервцевъ, а, съ другой—англичанина, «по волѣ судьбы» оказавшагося также плѣнникомъ мервскихъ туркменъ. Русскій былъ канониръ Кидяевъ, котораго неоднократно и настойчиво до того просили отпустить изъ плѣна; англичанинъ былъ г. О'Донованъ[11]).

Собственно О'Донованъ былъ плѣнникомъ, такъ сказать, въ половину и притомъ по собственной винѣ. Дѣло въ томъ, что почтенный корреспондентъ *Daily News*'а страдалъ слабостью, свойственной большинству представителей

[10]) Рапорть начальника Закаспійской области и командующаго въ оной войсками, генералъ-лейтенанта Рерберга командующему кавказской арміей отъ 31 августа 1881 г. № 2485. (Дѣло штаба Закасп. обл № 4, 1881—83 г.г.).

[11]). Ibidem

англійскаго народа, т. е. онъ пилъ и пилъ помногу. Такъ что быть нетрезвымъ было его обычнымъ состояніемъ. Естественно, что такое поведеніе О'Донована въ конецъ уронило его престижъ, какъ представителя «могущественныхъ инглизовъ», въ глазахъ туркменъ и джентльменъ сталъ поэтому едва терпимъ. Вдобавокъ, О'Доновавъ бралъ по мелочамъ въ долгъ у разныхъ лицъ, такъ что всего за нимъ насчитывалось болѣе 8000 двойныхъ крановъ (болѣе 400 рублей).

Понятно, что желаніе О'Донована покинуть Мервъ встрѣчало самыя энергическія возраженія, ибо отпустить должника, не уплатившаго долгъ, для мервцевъ едва-ли было выгодно.

Посуламъ-же и всевозможнаго рода обѣщаніямъ О'Донована больше ужъ никто не вѣрилъ.

Вѣсти о безвыходномъ положеніи О'Донована дошли до редакціи *Daily News* и послѣдняя обратилась къ нашему посланнику въ Константинополѣ съ просьбою оказать содѣйствіе къ освобожденію «плѣннаго» корреспондента.

Результатомъ этой просьбы была въ іюлѣ 1881 года телеграмма начальника главнаго штаба, генерала Обручева, къ начальнику Закаспійской области, въ которой генералъ Обручевъ просилъ генерала Рерберга оказать возможное содѣйствіе къ освобожденію О'Донована[12]). Послѣдняго рода порученіе и было возложено на Тыкма Сердаря.

Однако, послѣдній не засталъ въ Мервѣ англичанина, ибо О'Донованъ успѣлъ

[12]). Ibidem.

получить деньги и, расплатясь съ долгами, выѣхалъ изъ Мерва въ Мешедъ. Въ минуту отъѣзда, по словамъ очевидцевъ, О'Донованъ былъ въ сильно возбужденномъ состояніи: махалъ саблею и угрожалъ возвратиться въ Мервъ врагомъ, во главѣ англійскихъ войскъ. Въ священный городъ персовъ О'Донована сопровождало человѣкъ 20—30 мервцевъ «изъ людей ничтожныхъ, безъ всякаго значенія». По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ люди эти сопровождали О'Донована въ Мешедъ потому, чтобы получить съ него тамъ долги[13]). Во всякомъ случаѣ существовавшій послѣ того слухъ, будто англичане выкупили О'Донована, имѣлъ, какъ видно изъ сказаннаго, свои основанія.

Въ Мешедѣ съ О'Донованомъ случился весьма непріятный казусъ: составленная имъ карта, или, вѣрнѣе, кроки Мервскаго оазиса были перехвачены русскими агентами и въ оригиналѣ переданы инженеру путей сообщенія Лессару, который и увезъ ихъ съ собою въ Петербургъ. Конечно, у О'Донована имѣлись подробныя записи о Мервскомъ оазисѣ и составить карту вторично не составляло особеннаго труда, что О'Донованъ впослѣдствіи и сдѣлалъ[14]).

---

[13]) Рапортъ начальника Закаспійской области и командующаго въ оной войсками въ Главный Штабъ управляющему дѣлами военно-ученаго комитета отъ 19 января 1882 г. (Дѣло гражд. отд. штаба Закасп обл. № 16, 1881—82 г.)

[14]) Ibidem. Описаніе своего пребыванія въ Мервѣ О'Донованъ выпустилъ въ Лондонѣ въ 1882 году 2 большими томами подъ названіемъ The Merv oasis. Travels and adventures east of the Caspian during

Вмѣстѣ съ матеріалами по Мерву общаго содержанія О'Донованъ вывезъ съ собою также и прошеніе многихъ мервскихъ старшинъ объ оказаніи имъ со стороны Англіи помощи противъ происковъ Россіи, причемъ О'Донована, будто бы, поручалось отъ мервскаго народа также принять на себя роль посланника въ Европѣ. Все это оповѣщалось въ октябрѣ 1881 года, когда О'Донованъ прибылъ въ Константинополь, телеграммою въ *Daily News*. Телеграмма обратила на себя вниманіе Главнаго Штаба и послѣдній запросилъ по ея содержанію мнѣніе начальника Закаспійской области. Но за это время въ нашихъ сношеніяхъ съ туземными племенами, особенно съ мервцами, произошелъ такой переворотъ въ сторону лучшаго, мы оказались связаными съ ними такими многочисленными и близкими сношеніями, принимали такое горячее участіе въ ихъ политической жизни, что генералъ Рербергъ, конечно, ничего не могъ другого отвѣтить на запросъ Главнаго Штаба, какъ передать обстоятельное резюме нашихъ отношеній къ Мерву, изъ котораго ясно было, что документы, которые вывезъ со собою изъ Мерва въ Европу О'Донованъ, не имѣютъ въ настоящее время никакого значенія.

Дѣйствительно, дѣло обстояло такъ.

Тыкма-Сердарь, выѣхавъ изъ Асхабада, направился въ Мервъ чрезъ Атекъ, гдѣ

---

the years 1879—80—81, including five months' residence among the Tekkees of Merv By Edmund O'Donovan, special correspondent of *The Daily News* With portrait, maps and fac similes of state documents London, 1882.

въ то время проживалъ старшина Али-Элійскаго общества[15]) (въ сел. Кааха), Сеидъ-Назаръ Юзбаши. Его племя довольно таки терпѣло отъ притѣсненій сосѣднихъ персидскихъ владѣтелей, которые всячески старались подчинять себѣ али-элійцевъ. Неизвѣстно, какими доводами расположилъ Тыкма Сердарь въ пользу русскихъ Сеидъ Назара Юзбаши, но только тотъ послѣ свиданія своего съ сердаремъ до конца своихъ дней оставался самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою Россіи[16]).

Почти тотчасъ же послѣ отъѣзда изъ Атека Тыкма-Сердаря Сеидъ-Назаръ Юзбаши завязалъ самыя дѣятельныя письменныя сношенія съ Асхабадомъ, гдѣ уже были предупреждены Тыкма-Сердаремъ, писавшимъ съ дороги, какого цѣннаго человѣка пріобрѣлъ онъ для русскихъ. Послѣдствія оправдали эту рекомендацію, ибо Сеидъ Назаръ оказался не только преданнымъ Россіи, но и въ высшей степени популярнымъ человѣкомъ

---

15) Али-элійцы лѣтъ за 30 или болѣе до завоеванія Геокъ-Тепе переселились въ Атекъ изъ Хивы, туда же, въ свою очередь, въ давнія времена переселились изъ Персіи, куда пришли, какъ говорятъ ихъ преданія, изъ Багдада. У этого племени, между прочимъ, сохранилась наиболѣе совершенная религіозная организація, чѣмъ у другихъ туземцевъ.

16) Онъ погибъ смертью храбрыхъ въ Кушкинскомъ бою, сражаясь въ рядахъ русскихъ противъ афганцевъ. Причемъ, по разсказамъ участниковъ боя, передъ сраженіемъ, никогда доселѣ не пившій спиртныхъ напитковъ туркменъ выпилъ „для смѣлости и храбрости“ два стакана водки и первымъ бросился въ атаку, несясь на скакунѣ впереди всѣхъ, но шальная пуля пробила ему черепъ.

среди туркменскихъ племенъ вообще. Къ тому же онъ былъ въ отличныхъ сношеніяхъ съ сыновьями Нуръ-Верды хана, Махдумъ-Кули-ханомъ и Юсуфъ ханомъ, а также съ его женою Гюль-Джемалъ. Одну изъ своихъ переписокъ съ братьями Сеидъ-Назаръ переслалъ генералу Рербергу; эта переписка, подтверждая колебанія и сомнѣнія хановъ относительно возвращенія въ Ахалъ, проливала свѣтъ на ихъ отношенія къ настоящему положенію дѣлъ въ Мервѣ.

Ханы, между прочимъ, писали, что «туркмены окончательно убѣдились, что они ни съ кѣмъ не соѣдутся, какъ только съ русскими.... Просимъ васъ переговорить съ русскимъ начальствомъ въ Асхабадѣ и убѣдить, чтобы оно прислало въ Мервъ въ этомъ мѣсяцѣ Рамазанѣ съ вами трехъ или четырехъ вліятельныхъ чиновъ и человѣкъ десять ахалъ-текинцевъ и, повѣрьте, мервцы примутъ русское подданство. Скажемъ вамъ по секрету, что они страстно хотятъ этого... И письмо это пишемъ по общей просьбѣ племени «В киль», представители котораго всѣ готовы исполнить сущность этого посланія»[17]) (т. е. перейти въ русское подданство).

Выходило, такимъ образомъ, что ханы, съ одной стороны, колебались въ своемъ возвращеніи въ Ахалъ и оставались поэтому въ Мервѣ, съ другой—служили такъ или иначе интересамъ тѣхъ, къ ко

17] Оригиналъ этого письма, писанный по туркменски съ приложеніемъ двухъ печатей хановъ, въ дѣлѣ № 1 гражданск. отдѣленія штаба Закаспійск. области 1881/83 г.

му не хотѣли являться. На пути къ Мерву Тыкма-Сердарь дѣйствительно встрѣтилъ депутацію отъ векиль цевъ, направлявшихся въ Асхабадъ за разрѣшеніемъ поселиться рядомъ съ русскими, въ Атекѣ, на свободныхъ земляхъ.

На первыхъ порахъ по прибытіи въ Мервъ Тыкма-Сердарь, повидимому, не имѣлъ успѣха въ своей миссіи. Произошло это потому, что онъ по пріѣздѣ попросилъ мервскихъ старшинъ къ себѣ, тѣ обидѣлись и замѣтили ему, что онъ, какъ пріѣзжій, долженъ самъ явиться къ нимъ. Но Сердарь съ достоинствомъ заявилъ, что тому, кто имѣлъ счастье лично представляться русскому Государю Императору, не подобаетъ первому являться къ туркменскимъ старшинамъ.

И спустя нѣсколько дней большая часть старшинъ явилась къ Тыкма Сердарю и начала съ нимъ переговоры, окончательный результатъ которыхъ долго не могъ опредѣлиться въ виду необыкновенной перемѣнчивости общественнаго рѣшенія туркменъ и той легкости, съ которою они поддаются вліянію разныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ мервцы понимали, что время лихихъ аламановъ прошло безвозвратно и потому чувствовали настоятельную необходимость примкнуть къ какой-либо державѣ. Поэтому за время пребыванія Тыкма Сердаря въ Мервѣ тамъ образовались четыре партіи: одна желала подданства Россіи, другая хотѣла примкнуть къ Персіи, третья къ Бухарѣ, а четвертая, самая воинственная, хотѣла продолжать съ нами борьбу и оставаться независимой. Партія руссофильская со-

стояла изъ родовъ «векиль» и «сыч-мазъ», которыхъ насчитывалось до 10.000 кибитокъ, что составляло одну четвертую часть всего населенія Мервскаго оазиса. Эти роды участвовали лишь по принуждевію въ защитѣ Геокъ Тепе и послѣ паденія крѣпости справедливо разсуждали, что остановка русскихъ въ Асхабадѣ временная, что побѣдители двинутся и дальше, поэтому снова подвергать себя ужасамъ войны у этихъ туркменъ не было ни малѣйшаго желанія.

Мервцы, тянувшіе къ Персіи, были тѣ, которые находились подъ вліяніемъ общеуважаемаго, талантливаго и энергичнаго намѣстника Хорасана, Азем-Хаджи-Мирза-Хусейнъ-хана, или, какъ его по просту называютъ русскіе и туземные документы того времени, «сепахъ саларъ» (т. е. главнокомандующій).

Назначенный въ Хорасанъ «сепахъ-саларъ» воспользовался первымъ приемъ появленіемъ въ Мешедѣ представителей мервскихъ туркменъ племени «тохтамышъ» въ роли просителей заступничества противъ надвигающейся грозы со стороны русскихъ и послалъ «высокостепеннымъ и храбрымъ» Баба-Хану и всѣмъ старшинамъ мервскаго племени «тохтамышъ» широковѣщательное посланіе. Въ немъ «сепахъ-саларъ» живописалъ, что для мервцевъ «настоящее положеніе весьма стѣсненное, поэтому необходимо воспользоваться нашимъ стремленіемъ водворить среди васъ спокойствіе; въ дальновидности своей вы не должны упускать улучшенія положенія мервскихъ племенъ».

Но, повидимому, искушенный равнаго рода прежними вѣроломными обѣщаніями, туркменъ, «сепахъ саларъ» въ заключеніе письма грозилъ, что «если настоящее изъявленіе услугъ и покорности съ вашей стороны похоже на прежнія ваши слова, то это не принесетъ для васъ никакой пользы, вы понапрасну упустите случай и будете потомъ горько раскаиваться, но это раскаяніе будетъ для васъ безполезно, ибо жизнь ваша, ваши семейства и имущества подвергнутся истребленію»...

И для большей, повидимому, благонадежности мервцевъ «сепахъ-саларъ» оставилъ изъ явившейся депутаціи четырехъ старшинъ, въ видѣ заложниковъ, а остальныхъ съ подарками и грамотою отпустилъ въ іюлѣ 1881 года въ Мервъ.

Послѣ этого начались довольно оживленныя поѣздки мервскихъ туркменъ въ Мешедъ «съ поклономъ сепахъ салару», причемъ къ послѣднему привозились письма съ выраженіями преданности и покорности шахскому правительству, скрѣпленныя печатями обыкновенно ближайшихъ родственниковъ депутатовъ. Понятно, что такія посланія и депутаціи ее только не выражали мнѣнія всего мервскаго народа, но даже и отдѣльнаго рода; наскоро составленныя и наскоро отправленныя они имѣли въ виду одну цѣль—получить отъ персіанъ обычные подарки. О томъ же, къ чему обязывали всѣ эти обѣщанія и подарки, нисколько не заботились. Одну изъ такихъ депутацій въ Мешедѣ видѣлъ нашъ купецъ Абеляевцъ; туркмены откровенно заявля-

ли этому коммерсанту, что цѣль депутаціи заключается въ полученіи обычныхъ подарковъ и что по полученіи таковыхъ они вовсе не намѣрены выполнять обѣщанія, данныя персидскимъ властямъ. Про мервцевъ, какъ и про древнихъ скиѳовъ, въ этомъ случаѣ можно было сказать словами отца исторіи, Геродота, что «они, какъ псы, лизали порогъ свѣтлыхъ вратъ Ирана».

Бухара чрезъ своихъ агентовъ, также какъ и Персія, расточала подарки и приглашала мервцевъ найти упорядоченіе ихъ внутренняго и внѣшняго положенія чрезъ присоединеніе къ Бухарскому ханству, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя племена туркменъ уже жили на берегахъ Аму-Дарьи и платили въ сущности далеко не обременительныя подати.

Наконецъ, четвертая партія, стоявшая за абсолютную независимость Мерва и за открытое сопротивленіе русскимъ, состояла въ общемъ изъ наиболѣе отчаянныхъ и горячихъ головъ, сторонниковъ широко организованныхъ «аламановъ» и «кальтамановъ», т. е. грандіозныхъ набѣговъ на сосѣдей и мелкихъ грабежей. Приверженцы этой партіи не могли примириться съ мыслью, что присоединеніе къ тому или другому государству должно положить конецъ ихъ хищничеству, дающему столь легкое и безбѣдное существованіе.

Нѣтъ нужды добавлять, что всѣ эти партіи породили среди мервцевъ необыкновенное шатаніе умовъ. Оазисъ былъ похожъ на огромное сборище людей, страстно дебатировавшихъ самые жгучіе во-

прэсы ихъ политическаго положенія и ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ не приходившихъ. «Трухмэнцы волнуются, какъ сильная волна»—писалъ изъ Мерва начальнику области плѣнный канониръ Кидяевъ. И мервскія равнины дѣйствительно ходенемъ ходили отъ разбушевавшихся человѣческихъ страстей, тѣмъ болѣе, что никакого сдерживающаго начала не было, да и быть не могло, ибо вообще туркмены были едва-ли не единственнымъ народомъ на земномъ шарѣ, у котораго принципъ абсолютнаго анархизма въ его чистомъ видѣ былъ проведенъ въ жизнь.

Вотъ какъ объяснялъ Баба-Ханъ, вліятельный тохтамышскій старшина, который ѣздилъ сначала въ Мешедъ къ «сепахъ-салару», а потомъ перешелъ на сторону русскихъ, внутренній укладъ жизни мервскаго народа.

«Въ Мервѣ не существуетъ никакой организаціи ни общей по всему народу, ни по родамъ, ни по племенамъ и всякій мервецъ пользуется полною личною свободою, не давая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Поэтому въ мирное время въ Мервѣ нѣтъ ни хановъ, ни старшинъ, которые пользовались-бы какою-либо законною властью. Присвоенные нѣкоторымъ мервцамъ титулы «ханъ» или «кетхуда» не имѣютъ никакого практическаго значенія и суть лишь наслѣдственное достояніе сыновей лицъ, исполнявшихъ во время прежнихъ войнъ должности хановъ. Даже тяжбы между туркменами разбираются въ Мервѣ по обычаю, безъ всякаго суда, причемъ

голосъ сильнѣйшаго имѣетъ перевѣсъ. Только когда мервцамъ угрожаетъ общая опасность, а также въ случаѣ войны, они выбираютъ себѣ хана, который по миновании въ немъ надобности лишается власти и дѣлается простымъ обывателеемъ»[17]).

Понятно, что при такой безграничной свободѣ мыслей, направленія и поступковъ создалась безконечная «смута», которая при неустойчивости общественнаго мнѣнія и вызывала цѣлый рядъ тѣхъ или другихъ корыстныхъ притязаній сосѣдей.

Въ такое-то время всеобщей неурядицы и безалаберщины, царившей въ Мервѣ, и находился тамъ Тыкма Сердарь.

Дѣйствуя уговорами и черезъ подарки, сердарь добился того, что мервцы рѣшили послать въ Асхабадъ депутацію просить подданства Россіи и за-одно обѣщались освободить плѣннаго Кидяева.

Этотъ рядовой изъ Аму-дарьинскаго отдѣла, несмотря на перенесенныя имъ страданія въ плѣну и страсть къ опію, тѣмъ не менѣе былъ для асхабадскаго начальства очень полезенъ. Пользуясь въ послѣднее время нѣкоторой свободой, онъ черезъ надежныхъ туркменъ поддерживалъ письменныя сношенія съ Асхабадомъ и сообщалъ весьма не безынтересныя свѣдѣнія о событіяхъ въ

---

[17]) Рапортъ начальника Закаспійской области и командующаго въ оной войсками въ Главный Штабъ, управляющ. дѣлами военно-ученаго комитета отъ 19 января 1882 года, № 6, и его-же донесенія командующему кавказскою арміею, за №№ 2485 и 3952, отъ 1881 года.

Мервѣ. Кромѣ того, зная туркменское нарѣчіе, Кидяевъ, вѣроятно, велъ съ туземцами продолжительные разговоры о русскихъ вообще, ибо въ его письмахъ встрѣчаются упоминанія о томъ, какъ къ нему приходили «старики» и какъ онъ увѣщевалъ ихъ «миритца съ Рассеей». Такимъ образомъ, Кидяевъ, или, какъ онъ рапортовалъ асхабадскому начальству, «плѣнникъ въ недостаткѣ за честь вашу и славу», являлся до нѣкоторой степени агитаторомъ въ пользу сближенія мервцевъ съ Россіей. И, кто знаетъ, быть можетъ простыя и безхитростныя слова канонира Кидяева заронили въ сердца мервскихъ полудикарей не мало сомнѣній въ безполезности борьбы съ Россіей!

Однако, пообѣщавъ сердарю отпустить съ нимъ Кидяева и послать въ Асхабадъ депутацію, мервцы, спустя нѣсколько дней, отмѣнили свое рѣшеніе. Произошло это потому, что въ Мервъ пріѣхалъ посланникъ отъ Хивинскаго хана съ богатыми подарками, навьюченными на 16 верблюдахъ, который былъ уполномоченъ ханомъ склонять мервцевъ въ подданство Россіи. Хана-же объ этомъ просилъ тогдашній Туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ Черняевъ, не предполагая, конечно, что отъ русскихъ властей въ Асхабадѣ съ тою же цѣлью будетъ посланъ въ Мервъ особый посланный.

Жадные до подарковъ и всякаго рода новизны вообще, мервцы покинули Тыкма Сердаря и бросились слушать рѣчи посланца Хивинскаго хана, забывая, что цѣль пріѣзда того и другого была въ

сущности совершенно одинакова. Но скоро благодаря такту и большому вліянію Тыкма Сердаря, мервцы успокоились и роды векиль и сычмазъ тохтамышскаго племени, рѣшили просить покровительства Россіи черезъ Хиву, а племя отамышъ черезъ Асхабадъ. Причемъ Хивинскій посланникъ счелъ нужнымъ увѣдомить особымъ письмомъ о цѣли своего пріѣзда въ Мервъ начальника Закаспійской области, равно какъ и мервцы прислали въ Асхабадъ письмо, скрѣпленное 21 печатью, съ подробностями о пріѣздѣ изъ Хивы посланника и о готовности принять покровительство Россіи, прекративъ разбои и грабежи. Затѣмъ были выбраны депутаціи: отъ тохтамышцевъ двадцать четыре старшины выѣхали въ Хиву вмѣстѣ съ освобожденнымъ Кидяевымъ, пожелавшимъ вернуться къ прежнему мѣсту своей службы, а отамышцы—въ числѣ также двадцати четырехъ старшинъ, но въ сопровожденіи ста десяти человѣкъ простыхъ жителей, выѣхали вмѣстѣ съ Тыкма Сердаремъ въ Асхабадъ, куда и прибыли всѣ 8 октября 1881 года.

Такимъ образомъ, со стороны Мерва начиналось дѣйствительно тяготѣніе къ Россіи, доказательствомъ чего служили не только эти депутаціи, но и отвергнутое тогда-же мервцами приглашеніе «сепахъ-салара» подчиниться Персіи, ибо, махнувъ рукою на Персидскихъ властей Хорасана, мервцы начинали дѣйствительно попадать подъ вліяніе Россіи, и поведи послѣдняя тогда болѣе активную политику по отношенію къ окружающимъ племенамъ, кто знаетъ?—быть можетъ

современная политическая карта Средней Азіи имѣла бы иное начертаніе. Къ сожалѣнію, всегдашнія или вялость и индифферентность, или рискованныя авантюры, отличавшія нашу внѣшнюю политику послѣдняго столѣтія, были одною изъ причинъ возникшей затѣмъ крайне безтолковой проволочки въ нашихъ сношеніяхъ съ окружавшими насъ племенами, проволочки, изъ которой, повидимому, ничего не могли себѣ уяснить ни полудикіе сыны степей, ни Асхабадскія власти, связанныя по рукамъ и ногамъ то инструкціями министерства иностранныхъ дѣлъ, то указаніями Главнаго Штаба и своего прямого начальства, командующаго Кавказскою арміею, то, наконецъ, отсутствіемъ собственной иниціативы и такта.

Инструкція министерства иностранныхъ дѣлъ, полученная въ Асхабадѣ 19 сентября 1881 года за подписью товарища министра, покойнаго статсъ-секретаря Гирса, рекомендовала заключить письменное условіе съ уполномоченными или ханами отдѣльныхъ племенъ, причемъ такого рода договоры должны быть скрѣплены печатями уполномоченныхъ и подписью начальника Закаспійской области. Уполномоченные должны поклясться на Коранѣ, что они никогда не поднимутъ оружія противъ русскихъ, будутъ жить съ ними въ мирѣ, прекратятъ грабежи каравановъ и аламаны на окружающія провинціи Персіи, будутъ принимать съ должнымъ почетомъ лицъ, по временамъ посылаемыхъ въ Мервъ отъ русскихъ властей, и будутъ посы-

лать, въ свою очередь, особыхъ посланцевъ къ начальнику Закаспійской области; должны давать за установленную плату охрану нашимъ торговымъ караванамъ, идущимъ чрезъ Мервъ въ Хиву, Бухару и Персію; не будутъ допускать къ себѣ агентовъ другихъ правительствъ и имѣютъ давать лошадей за установленную плату для нашихъ курьеровъ, посылаемыхъ чрезъ Мервъ въ Хиву, Бухару и Ташкентъ.

За всѣ-же такого рода одолженія со стороны туркменъ русскіе обязаны были не нарушать ни религіи, ни обычаевъ, ни внутреннихъ порядковъ въ управленіи мервцевъ, не назначать къ нимъ своихъ властей, не налагать на нихъ никакихъ податей и оказывать мервцамъ въ русскихъ предѣлахъ такое-же покровительство, какимъ пользовались хивинцы и бухарцы.

Курьезно, что въ Петербургскихъ кабинетахъ смотрѣли на мервскихъ туркменъ, повидимому, какъ на народъ, состоящій изъ отдѣльныхъ автономныхъ штатовъ-племенъ, у которыхъ существовали высоко развитыя правовыя понятія. Однако, проза жизни быстро разрушила радужныя мечты нашего министерства иностранныхъ дѣлъ «водворить среди мервцевъ порядокъ, не нарушая внутреннихъ безпорядковъ въ ихъ самоуправленіи», какъ это выходило по смыслу инструкціи въ приложеніи ея къ дѣйствительному положенію вещей. Инструкцію немедленно примѣнили къ дѣлу, когда 26 сентября прибылъ въ Асхабадъ со свитою въ 30 человѣкъ Мервскій Баба-ханъ,

сынъ Коушутъ-хана; но Баба-ханъ наотрѣзъ отказался подписать предложенныя условія, ибо совершенно справедливо чувствовалъ себя не достаточно вліятельнымъ, чтобы провести ихъ въ средѣ своего племени или, какъ онъ самъ выразился, «чтобы при нарушеніи условій своими единоплеменниками не быть поставленнымъ въ положеніе измѣнника передъ русскимъ правительствомъ». Это былъ тотъ самый Баба ханъ, который далъ изложенную выше весьма справедливую и яркую характеристику Мервскаго народа въ частности и туркменъ вообще. Правда, Баба-ханъ обѣщался подписать предлагаемыя условія, но если ему дадутъ 1000 конныхъ милиціонеровъ и сотню пѣшихъ солдатъ, чтобы держать Мервскій народъ въ повиновеніи. Хана заподозрѣли въ желаніи сдѣлаться властителемъ всѣхъ Мервскихъ племенъ и потому, разумѣется, въ его просьбѣ было отказано. Хотя весьма вѣроятно, что это было сказано Баба ханомъ какъ мораль, что только обаяніе реальной силы и можетъ держать въ страхѣ и повиновеніи искони свободолюбивыхъ и безпокойныхъмервцевъ.

Вѣроятно благодаря упомянутымъ основаніямъ не была приведена къ присягѣ (а быть можетъ и сама отказалась) относительно выполненія условій министерства и депутація отъ мервцевъ, прибывшая 8 октября съ Тыкма Сердаремъ для изъявленія покорности русскому Государю Императору. Она была только «ласково принята и снабжена подарками». Зато прибывшіе въ томъ-же мѣсяцѣ депутаты отъ векильцевъ, Кара-ханъ и

Анна Мурадъ-бекъ, привезшія письма отъ разныхъ лицъ своего племени съ выраженіемъ желанія принять покровительство Россіи и быть подданными Бѣлаго Царя, согласились на всѣ условія, предложенныя генераломъ Рербергомъ, и заключили договоръ, поклявшись «на святомъ Алкор'анѣ», нерушимо соблюдать его. Съ легкой руки Кара-хана въ Асхабадъ съ этого времени началось шествіе разныхъ депутацій отъ мервцевъ для заключенія договоровъ. Везлись письма, писанныя на большихъ листахъ лощеной индійской бумаги то на туркменскомъ нарѣчіи, то на персидскомъ съ рядами подъ ними разнообразныхъ печатей; звучали слова торжественной присяги, договоры скрѣплялись подписями и печатями, раздавались подарки и затѣмъ одинъ договоръ за другимъ аккуратно подшивался «къ дѣлу».

Мертворожденные, сочиненные канцелярскимъ путемъ договоры, какъ мы увидимъ ниже, были весьма далеки отъ приведенія ихъ въ исполненіе. А между тѣмъ общій тонъ всѣхъ устныхъ и письменныхъ заявленій племенъ и родовъ былъ таковъ, что имъ хотѣлось болѣе активнаго и близкаго единенія съ Россіей, чѣмъ всѣ эти пункты преслову-тыхъ условій. Сыны степей никакъ не могли понять, почему «урусы» остановились въ Асхабадѣ и не идутъ дальше? Вѣдь, собственно, съ разгромомъ Геокъ-Тепе вольная Туркменія перестала существовать и новая жизнь настойчиво твердила, что дальше жить аламанами и весьма шаткимъ положеніемъ, съ одной

стороны, какъ будто-бы и свободныхъ людей, а, съ другой—«подданныхъ Великаго Бѣлаго Царя»[18]), нельзя. Кромѣ того и отношенія къ уполномоченнымъ въ Асхабадѣ, повидимому, были не тѣ, какихъ ожидали главы депутацій. Правда, ихъ радушно принимали, радушно угощали, говорили «сладкія слова», но существеннаго поощренія въ видѣ хорошихъ подарковъ, до которыхъ такъ падки всѣ восточные народы, не было, ибо нельзя-же назвать подарками тѣ дешевые халаты, которыми одаривались члены депутацій или тотъ револьверъ, который подарилъ полковникъ Аминовъ Кара-Кули-хану, главѣ рода Бекъ. Понятно, что такіе подачки, недостойныя представителей великой и могущественной державы, Бѣлый Царь которой въ глазахъ степной вольницы считался идеаломъ безпредѣльной силы и власти, вселяли, въ концѣ концовъ, въ туркменахъ чувство недовѣрія и неуваженія къ представителямъ этой державы, и престижъ Великаго Бѣлаго Царя, символа силы, власти и абсолютной правды, завола-кивался туманомъ.

Однимъ изъ примѣровъ этого можетъ служить случай съ Кара-Кули ханомъ. По заключеніи договора онъ на первыхъ порахъ свято исполнялъ его, но въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Асхабадъ при обычномъ свиданіи съ полковникомъ Аминовымъ, послѣдній подарилъ ему серебряный портсигаръ,

---

[18]) Какъ писалось во всѣхъ почти письмахъ мервцевъ и другихъ туркменъ на имя начальника Закаспійской области.

чѣмъ смуглый и злобный туркменъ[19]) былъ приведенъ въ страшную ярость. Огодвинувъ рукою портсигаръ, онъ, едва сдерживаясь, замѣтилъ, что не ожидалъ получить «такой» подарокъ. Конечно, вліятельнаго туркмена, добровольно приводящаго свое имя на вѣки вѣчные въ подданство Россіи, отдаривать за это только серебрянымъ портсигаромъ было не особенно щедро. Правда, Аминовъ тоже обидѣлся на замѣчаніе Кара-Кули-хана и послѣдній, въ концѣ концовъ, взялъ портсигаръ[20]), но послѣдующія событія показали, какъ это мы увидимъ ниже, что изъ-за портсигара мы нашли въ Кара Кули-ханѣ безпокойнаго врага и интригана.

Между тѣмъ, какъ въ Асхабадѣ одни мервцы клялись на Кор'анѣ свято исполнять предложенныя русскими обѣщанія, другіе грабили караваны и занимались аламанами. Такъ, 3 октября 1881 года былъ ограбленъ караванъ одного туркмена изъ Геокъ-Тепе, у котораго мервцы, хорошіе его знакомые и пріятели, отбили 4 осла и товару на 2300 хивинскихъ червонцевъ. 12 ноября того-же года мервцы ограбили другой караванъ, шедшій изъ Хивы въ Асхабадъ съ халатами, бязью, мукою и масломъ, всего на 3088 рублей, причемъ у ограбленныхъ было отнято рѣшительно все, даже одежда, и они, изнуренные и

---

[19]) Отсюда и названіе Кара—черный.

[20]) Привожу это со словъ б. переводчика при начальникѣ Закаспійской области, Ахмедъ-Бека-Эфендіева, живой лѣтописи минувшаго умиротворенія края. При врученіи портсигара Аминовымъ Кара-Кули хану онъ лично присутствовалъ.

полуголые, пройдя болѣе двухсотъ верстъ по пустынѣ, пришли въ Асхабадъ.

Стали затѣмъ получаться извѣстія, что мервцы собираются партіями по нѣсколь-ку сотенъ человѣкъ предпринять боль шіе аламаны въ разныя стороны: т. е., въ Персію, Афганистанъ, Бухару, Хиву и раіонъ, занятый русскими.

Асхабадское начальство заволновалось. Полетѣли «уважаемымъ мервскимъ ха-намъ и кетхудамъ»[21]) широковѣщатель-ныя письма, гдѣ напоминалось о дружбѣ и согласіи и просилось о возвратѣ на-грабленнаго владѣльцамъ. «Уважаемые ханы и кетхуды» писали въ отвѣтъ, что они здѣсь не причемъ, ибо мало ли во-обще на свѣтѣ злонамѣренныхъ людей. За всѣхъ вѣдь не поручиться. Наконецъ, «весь ахальскій народъ» получилъ боль-шое посланіе, повидимому, отъ благона-мѣренной части мервцевъ или, вѣрнѣе, отъ благонамѣренно настроенныхъ нѣ-сколькихъ мервцевъ, которые увѣряли туркмень Ахалъ-Текинскаго оазиса, что они никогда не мыслили на нихъ злого, а если кто изъ мервцевъ будетъ напа-дать и грабить ахальцевъ, то пусть по-слѣдніе такихъ «воровскихъ людей» безъ разсужденій убиваютъ. О возвратѣ же ве-щей потерпѣвшимъ, разумѣется, и не по-мышляли.

Одною изъ причинъ такого «обна-глѣнія» если можно такъ выра-зиться, со стороны мервцевъ было то, что разнесшаяся въ срединѣ октября по Мерву и Ахалу вѣсть о взятіи Гера-та афганскими войсками Абдуръ Рах-

[21]) Старшинамъ.

манъ-хана сразу уронила въ глазахъ туркменъ престижъ русскихъ. Причемъ по базарамъ и кочевьямъ стали циркулировать слухи, что въ Мервъ скоро пріѣдутъ англичане (туземцы вообще часто смѣшивали афганцевъ съ англичанами) и освободятъ Туркменію отъ русскихъ и что они уже приглашаютъ къ себѣ Махдумъ-Кули-хана и другихъ мервцевъ на службу.

Ясно было, что покоренные силою оружія свободолюбивые, дикіе рыцари степей учитывали по своему каждый успѣхъ русскихъ въ степи и каждую минуту ихъ бездѣятельности и потому то, что вчера казалось еще такимъ покорнымъ и приниженнымъ, нынѣ поднимало голову и старалось освободиться отъ какихъ-бы то ни было стѣсненій. Въ результатѣ—аламаны.

Не совсѣмъ благополучно было и въ раіонѣ Ахалъ-Текинскаго и Тедженскаго оазисовъ. Коренное туземное населеніе ихъ, правда, оставалось спокойнымъ, но возвращавшіеся подъ вліяніемъ рѣчей Тыкма-Сердаря на родныя пепелища туземцы изъ Мерва были въ такомъ жалкомъ положеніи, среди нихъ царила такая вопіющая и крайняя нищета, свирѣпствовали такія повальныя болѣзни, что несчастные съ отчаянія грозили заняться грабежами, если русскіе не дадутъ имъ хлѣба. Съ организаціею-же помощи этимъ бѣднякамъ Закаспійское начальство, повидимому, не торопилось, возлагая все упованіе на «самосущаго Аллаха». [22])

[22]) Рапортъ завѣдывающаго Ахалъ-Текинскимъ округомъ, маіора Дзерожинскаго, отъ

Но «по волѣ судьбы» въ Туркменіи скоро совершились такія событія, которыя сразу измѣнили неблагопріятное положеніе русскихъ.

Значительная часть мервской вольницы въ послѣднихъ числахъ октября произвела грандіозный набѣгъ на сѣверную часть Гератской провинціи; «рыцари степей» угнали у пограничныхъ жителей до 100.000 овецъ, значительное количество верблюдовъ и захватили до 600 плѣнныхъ. Былъ ли этотъ аламанъ задуманъ послѣ того, какъ войска Абдуръ-Рахмана взяли Гератъ, или же до этого—трудно сказать. Вѣрнѣе всего, что набѣгъ былъ задуманъ раньше и что мервцы привели его въ исполненіе въ это время потому, что охранительные отряды афганскихъ войскъ на границѣ были отозваны въ виду войны Эйюбъ-хана съ Абдуръ-Рахманомъ.

Вскорѣ затѣмъ Абдуръ-Рахманъ-ханъ послалъ въ Мервъ трехъ посланныхъ для того, чтобы разслѣдовать положеніе дѣлъ въ Мервскомъ оазисѣ, а быть можетъ и завести какіе-либо переговоры, но мервцы племени Векиль напали на посланныхъ въ урочищѣ Эгри-Гюзаръ, близъ Мерва, и убили ихъ.

Нечего и говорить, что въ Гератѣ эти событія произвели цѣлую бурю и афганцы закипѣли жаждою непримиримой мести, такъ что, когда въ декабрѣ того-же года нѣкоторые изъ мервцевъ явились было въ Гератъ продавать лошадей, то

---

22 сентября 1881 года, за № 536, въ дѣлѣ № 4 гражданскаго отдѣленія штаба Закаспійской области.

ихъ тамъ не приняли, отказавъ даже въ покупкѣ куска хлѣба для пропитанія.

Правитель Герата Кундузъ-ханъ, братъ Абдуръ-Рахманъ хана, грозно заявилъ мервцамъ, что если они не выдадутъ убійцъ афганскихъ посланниковъ и плѣнныхъ жителей съ баранами и верблюдами, взятыми въ послѣднемъ набѣгѣ,—то онъ весною, послѣ Новруза (9 марта), чрезъ Серахсъ явится съ войсками въ Мервъ и жестоко накажетъ мервцевъ[23]).

Мервцы не на шутку перетрусили и стали подумывать о выдачѣ афганцамъ лошадей и оружія убитыхъ посланцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Асхабадъ полетѣли слезныя письма; хищные волки предъ главами «справедливѣйшаго и мудраго русскаго генерала» прикидывались смиреннѣйшими агнцами. Вотъ одно изъ такихъ посланій, привожу его въ почти дословномъ переводѣ съ туркменскаго.

«Вотъ добрыя рѣчи и нелицепріятныя привѣтствія! Отъ старшинъ мервскаго народа русскимъ генераламъ въ Асхабадѣ шлется масса дружбы и пріязни! Послѣ же сего да будетъ вамъ вѣдомо, что Адина Нефесъ-Сердарь 12 числа сего мѣсяца пріѣхалъ изъ Герата, гдѣ собственными главами видѣлъ афганскія войска, собравшіяся въ этомъ городѣ. Упорно говорятъ, что весною собираются на Мервъ. И вотъ мервскій народъ уполномочилъ насъ, своихъ старшинъ, обратиться къ вамъ, прося помощи и защиты у Бѣлаго Царя. Мервцы весьма довольны вашимъ покровительствомъ, вы

[23]) Донесеніе Сеидъ Назара-юзъ-баши полковнику Аминову въ дѣлѣ № 1, стр. 121.

раженнымъ въ неоднократно полученныхъ отъ васъ письмахъ, но весьма боятся нападенія со стороны афганцевъ и надѣются лишь на вашу защиту.

Здѣшній народъ также весьма много терпитъ отъ разныхъ воровъ и разбойниковъ и проситъ васъ наказать ихъ..... 14 числа Сафара (12 декабря 1881 года).

P. S. Вернулись изъ Герата наши торговцы и продавцы лошадей, которые со страхомъ разсказываютъ, что въ Гератъ очень много прибыло войскъ. Мы, бѣдные и несчастные, возлагаемъ всю надежду исключительно на васъ, русскихъ начальниковъ въ Асхабадѣ!»[24]).

Но по опыту прошлаго въ Асхабадѣ, повидимому, мало довѣряли вдругъ проявившемуся смиренію мервцевъ и въ отвѣтъ на ихъ просьбы слали «дружескіе совѣты» бросить аламаны «и заниматься мирнымъ трудомъ, отъ котораго всѣ народы богатѣютъ», причемъ весьма недвусмысленно намекалось, что «потоки туркменской крови, такъ недавно пролитые подъ Геокъ тепе, служатъ лучшимъ доказательствомъ, какъ невыгодно заниматься аламанами и дѣйствовать вопреки приказаніямъ русскихъ»[25]).

Поставленные въ крайне щекотливое положеніе: съ одной стороны весьма враждебно настроенные афганцы, съ другой —не одобряющіе грабежей русскіе,— мервцы пошли на уступки. Сначала, въ

---

[24]) См оригиналъ въ дѣлѣ № 1/1881—82 г. гражд. отдѣл. штаба войскъ Закаспійской области.

[25]) Отвѣтъ полковника бар. Аминова отъ 5 января 1882 года мервскимъ старшинамъ въ дѣлѣ № 4/1881—82 г., стр. 72.

февралѣ 1882 года племя Бекъ извѣстило, что имъ возвращено владѣльцамъ каравана, потерпѣвшимъ въ послѣднихъ грабежахъ, все почти награбленное имущество и что больше племя Бекъ не будетъ заниматься аламанами. Мѣсяцъ спустя послѣ того прислали и отамышцы съ тохтамышцами извѣстіе, что они также возвратили награбленное потерпѣвшимъ въ ноябрѣ отъ аламановъ караванновладѣльцамъ. Провѣренныя тогда же эти заявленія мервцевъ оказались вполнѣ справедливыми[26]).

Воспользовавшись перемѣною отношеній къ намъ свободолюбивыхъ мервскихъ туркменъ, асхабадское начальство рѣшило завязать съ послѣдними болѣе широкія и болѣе прочныя сношенія, чѣмъ всѣ практиковавшіяся доселѣ «любительныя грамоты и посылки», какъ говорили въ старину,—именно сношенія торговыя.

Почва же для этого уже была подготовлена. Такъ. еще въ октябрѣ 1881 года къ генералу Рербергу явился торгующій русскими мануфактурными товарами довѣренный московскаго купца Н. Н. Коншина, г. Косыхъ, съ заявленіемъ, что онъ получилъ отъ нѣкоторыхъ мервцевъ приглашеніе пріѣхать съ товарами въ Мервъ и что отъ Коншина онъ имѣетъ на это разрѣшеніе[27]). Г. Косыхъ теперь спрашивалъ у генерала Рерберга со-

[26]) См. стр 130 и 135 въ дѣлѣ № 1 гражд. отд. штаба войскъ Зак. области.

[27]) Все изложенное здѣсь о караванѣ г. Косыхъ основано на документахъ въ дѣлѣ № 18 (1882 г. гр. отд. штаба войскъ Зак. обл. „О съ отправленіи въ Мервъ каравана“).

вѣта, какъ ему поступить, и стоитъ ли отваживаться на такое, въ сущности весьма рискованное, предпріятіе, имѣя въ виду полную неурядицу и абсолютное безначаліе въ Мервскомъ оазисѣ.

Нечего говорить, что генералъ Рербергъ отнесся весьма сочувственно къ заявленію г. Косыхъ; дѣйствительно, представлялась возможность путемъ мирной развѣдки болѣе или менѣе подробно изучить пути въ Мервъ, самый оазисъ и познакомиться съ его современнымъ положеніемъ. Но пока кончилась обычная переписка съ Тифлисомъ и Петербургомъ о разрѣшеніи караванy отправиться въ Мервъ, прошло не мало времени и г. Косыхъ пришлось выѣхать изъ Асхабада съ караваномъ только въ началѣ февраля 1882 года, когда наши сношенія съ Мервомъ начали принимать вполнѣ мирный характеръ и аламаны въ нашу сторону затихли.

Генералъ Рербергъ былъ въ это время по дѣламъ службы въ Петербургѣ, такъ что караванъ отправлялъ полковникъ Аминовъ.

3 февраля 1882 года караванъ выступилъ изъ Асхабада. Помимо коммерсантовъ, къ каравану примкнули, съ разрѣшенія тифлисскаго начальства, и два офицера «въ цивильномъ платьѣ»: прикомандированный къ Ташкентскому казачьему полку прапорщикъ Алиханов и хорунжій первой Терской баттареи Сколовъ,—оба, по словамъ полковника Аминова, «несмотря на прежнія ихъ неудачи по службѣ, отличные и весьма къ этому дѣлу подходящіе по познаніямъ», люди.

Для безопасности каравана къ нему былъ приставленъ конвой изъ 11 хорошо вооруженныхъ милиціонеровъ, что было вполнѣ достаточно для отраженія мелкихъ шаекъ аламанщиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на имя «уважаемыхъ хановъ и старшинъ» живущихъ въ Мервѣ различныхъ племенъ, были составлены письма, въ которыхъ просилось оказывать каравану возможное содѣйствіе и снабжать его конвоемъ, если это нужно, для огражденія отъ «злыхъ людей». Такого-же рода письма были написаны и Сеиду Назаръ-ювъ баши, и нѣкоторымъ другимъ тедженскимъ старшинамъ, ибо путь каравана въ Мервъ лежалъ чрезъ Каахка и Кары-Бендъ на Тедженъ.

Съ большимъ интересомъ и нетерпѣніемъ дожидались въ Асхабадѣ извѣстій съ пути отъ каравана. Да иначе и быть не могло, ибо это былъ первый русскій караванъ, направившійся чрезъ весьма мало извѣстныя до сего времени степныя пространства въ глубь Закаспійскихъ пустынь, къ свободолюбивымъ и воинственнымъ дикарямъ.

Корреспондировалъ съ дороги отъ имени г. Косыхъ прапорщикъ Алихановъ. Его чрезвычайно живыя письма на имя Аминова даютъ намъ удивительно вѣрную и яркую характеристику отношеній къ намъ тѣхъ или другихъ представителей вольной Туркменіи.

7 февраля караванъ былъ встрѣченъ подлѣ Каахка радушнымъ и предупредительнымъ Сеидъ-Назаръ юзъ-баши, который оказалъ путникамъ самое широкое гостепріимство; также радушно встрѣча-

ли въ Каахка русскихъ и всѣ единоплеменники Сеидъ Назара. Вечеромъ въ кибиткѣ послѣдняго, за чаемъ и разнаго рода угощеніемъ, Сеидъ-Назаръ и 15 другихъ почетныхъ али-элійцевъ разсказали, между прочимъ, какъ персы недавно вызывали къ себѣ въ Мешедъ Сеидъ-Назара и восемь другихъ старшинъ, предлагая имъ 12.000 томановъ (около 48.000 руб. по тогдашнему курсу), если все населеніе Каахка переселится въ Персію, въ окрестности священнаго Мешеда. Старшины не согласились подъ разными предлогами и теперь ожидали со дня на день прихода персіанъ. Руководясь особыми инструкціями полковника Аминова, Косыхъ и его товарищи заявили туркменамъ, что они не должны бояться персіанъ, ибо русскіе не допустятъ никакого насилія надъ али-элійцами. Такое заявленіе, повидимому, не могло не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на настроеніи Сеидъ-Назара и его товарищей, такъ какъ выступившій на другой день изъ Каахка караванъ предупредительно сопровождалъ али-элійскій конвой и везлись рекомендательныя письма Сеидъ-Назара къ тедженскимъ ханамъ.

До Теджена чрезъ Кары Бендъ караван ну пришлось пройти тяжелый, безвод ный, въ полномъ смыслѣ этого слова, путь, по которому не встрѣтилось ни одного даже стараго заброшеннаго колодца. Всюду разстилались неоглядные пески, едва проходимые даже для одиночныхъ всадниковъ. Такимъ путемъ прошли 83 версты; дальше до Теджена шла равни-

на, перерѣзанная громадными солончаками и отличавшаяся богатствомъ топлива и подножнаго корма.

У р. Теджена караванъ былъ встрѣченъ, согласно письма Аминова, пріѣхавшими изъ Теджена «подданными» намъ Ходжа-Кули-ханомъ и Овезъ-Сердаремъ. Въ однемъ изъ своихъ писемъ къ Аминову Алихановъ устами г. Косыхъ аттестуетъ ихъ такъ: «оба они подлецы и если когда-либо увѣряли васъ въ своей преданности и готовности служить, то лгали безсовѣстно. Смотрѣли волками, враждебно. Ни одного человѣка конвоя не дали и сами отказывались идти подъ разными пустыми предлогами, что некогда, что поля надо засѣвать. Послѣ шести-часовыхъ безплодныхъ переговоровъ едва уломали архи-подлеца Овезъ-Сердаря идти съ нами, обѣщавъ ему положительно золотыя горы и съ вашей стороны, и съ нашей. Ходжа Кули ханъ такъ и не согласился».

Сопровождавшіе до Теджена караванъ вооруженные али-элійцы раздѣляли всѣ трудности пути и оказали много незамѣнимыхъ услугъ путникамъ. Вообще преданность Сеидъ-Назара, Аба онъ беги и прочихъ али-элійскихъ старшинъ отражалась и на ихъ народѣ, настроенномъ, повидимому, самымъ благожелательнымъ образомъ къ русскимъ. Эти конвоиры хотѣли было идти съ караваномъ и дальше въ Мервъ, но Овезъ-Сердарь и Ходжа-Кули-ханъ самымъ энергичнымъ образомъ воспротивились этому, говоря, что «ни одинъ али-эліецъ не переступитъ рубежа Тедженскаго оазиса».

Пройдя отъ Кары-Бенда 135 верстъ чрезъ пространства, изобиловавшія массою всевозможной дичи и непроходимыми зарослями саксаула, розмарина и волчанника, пространства, лишь мѣстами пересѣкавшіяся песками и солончаками,—караванъ рано утромъ 15 февраля прибылъ въ Мервъ.

Посланныя полковникомъ Аминовымъ рекомендательныя письма мервскимъ ханамъ и старшинамъ по настоянію караванъ баши Комеаа не были, однако, доставлены адресатамъ ранѣе прихода въ Мервъ каравана, ибо Комекъ предпочиталъ, чтобы вѣсть о предполагаемомъ прибытіи русскихъ не разнеслась преждевременно по оазису.

Мервцы, встрѣтившіе верстахъ въ 60 отъ Мерва караванъ, послѣ долгихъ переговоровъ между собою и Овезъ-Сердаремъ неожиданно предложили каравану или перемѣнить путь въ обходъ лежащихъ по дорогѣ селеній отамышцевъ, будто-бы враждебно настроенныхъ къ русскимъ, или-же, въ крайнемъ случаѣ, немедленно начать дальнѣйшее движеніе, чтобы за ночь успѣть пройти чрезъ враждебныя кочевья. Караванъ предпочелъ послѣднее. И послѣ невѣроятно утомительнаго пути во мракѣ ночи по извивающимся среди посѣвовъ тропамъ съ пересѣкающими ихъ арыками, часто весьма глубокими и широкими, караванъ, наконецъ, подошелъ «къ безконечно длиннымъ и чудовищнымъ стѣнамъ Мервской крѣпости»,... «предъ которою Геокъ-тепе была не больше, какъ дѣт-

ская игрушка». Остановились въ кибиткѣ Комекъ-бая, человѣка весьма умнаго, вліятельнаго и искренно расположеннаго къ русскимъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ выяснилось, что люди, высланные Комекомъ, провели караванъ ночью не потому, что отамышцы были дѣйствительно враждебно настроены къ русскимъ, а единственно изъ личнаго опасенія, какъ-бы народъ и ханы не узнали объ услугахъ, оказанныхъ ими русскимъ. Причемъ въ ту же ночь всѣ эти люди скрылись вмѣстѣ съ Овезъ-Сердаремъ.

Такимъ образомъ, на дѣлѣ выходило, что русскіе, повидимому, не могли разсчитывать на всеобщія симпатіи мервцевъ, равъ послѣдніи считали тѣ или другія одолженія русскимъ со стороны нѣкоторыхъ изъ своихъ соплеменниковъ столь преступными, что ихъ приходилось всячески скрывать.

Отамышцы, которыхъ такъ несправедливо оклеветали, однако, первые выразили свое удовольствіе по поводу прибытія въ Мервъ русскаго каравана. «Мы очень рады вашему пріѣзду, писали они, обрадуемся еще болѣе, если оба народа сольются вмѣстѣ. Вы—наши гости, живите у насъ, сколько угодно, и свободно располагайтесь».

Такого же рода выраженія дружбы и гостепріимства были переданы, но тайно, и отъ Махдумъ Кули хана. Иначе отнесся къ прибытію каравана недавно избранный главою племени Бекъ Кара-Кули-ханъ. Онъ угрожалъ своему двоюродно-

му брату Комекъ-баю, что до основанія разрушитъ его жилище, въ которомъ русскіе нашли пріютъ и гостепріимство; онъ запретилъ мѣстнымъ торговцамъ и евреямъ вступать съ русскими въ какія бы то ни было сношенія подъ страхомъ заключенія въ клоповникъ. И многіе изъ мервцемъ, сблизившіеся было съ русскими въ первый день, потомъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ угровъ, перестали даже и на глаза показываться. Говорили, что недовольство Кара-Кули-хана вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе не остановились у него и тѣмъ самымъ лишили его огромныхъ выгодъ, которыя, по его соображеніямъ, теперь выпадали на долю его двоюроднаго брата.

На третій день послѣ прибытія каравана мервцы собрались на «маслахатъ» (совѣтъ), гдѣ должны были рѣшить вопросъ, какъ отвестись къ пріѣзду русскихъ торговцевъ. Въ кибиткѣ Комекъ-бая сошлись представители всѣхъ обитавшихъ въ Мервскомъ оазисѣ племенъ, числомъ пятнадцать старшинъ. Среди нихъ были: посаженный на особо почетномъ мѣстѣ 25 лѣтній «умный и симпатичный», —по аттестаціи Алиханова и его товарищей, —глава Векильскаго рода Махдумъ-Кули-ханъ; «энергичный мужчина лѣтъ за 30, —по отзыву тѣхъ-же лицъ,—вылитый китаецъ по физіономіи, съ живыми и плутовскими глазами, Кара-Кули ханъ представитель рода Бекъ», и молодой, лѣтъ 18, глава родовъ Бахши и Сычмазъ (т. е. всѣхъ отамышцевъ). Майны ханъ, во все время не проронившій ни слова. Отъ его лица говорилъ энергичный Сары-батырь,

съ первыхъ же словъ заявившій о необходимости завести во что бы-то ни стало торговыя сношенія съ русскими.

Г. Косыхъ и сопровождавшій его въ качествѣ переводчика Алихановъ были приняты въ собраніи при гробовомъ молчаніи; никто при ихъ входѣ не пошевельнулся, никто не проронилъ ни единаго звука на ихъ привѣтствіе. Видя, что ханы и не собирались нарушать царившаго молчанія, Алихановъ обратился къ нимъ отъ имени Косыхъ со словами, что, вѣроятно, они изъ полученныхъ ими писемъ уже знаютъ о цѣли пріѣзда въ Мервъ каравана Северинъ бека[28]), богатаго коммерсанта, пользующагося большимъ вліяніемъ въ Асхабадѣ у русскаго начальства. Это начальство и поручило Северинъ беку передать мервскому народу и его представителямъ свой селямъ. Северинъ-бекъ, рѣшившій завязать съ Мервомъ торговыя сношенія, теперь прибылъ въ Мервъ, чтобы опредѣлить на мѣстѣ, что можно сбыть и и что пріобрѣсти на мѣстныхъ рынкахъ.

Русское-же начальство въ Асхабадѣ сочувствуетъ предпріятію Северинъ бека, такъ какъ ожидаетъ отъ него обоюдную пользу какъ для мервцевъ, такъ и для русскихъ; поэтому желательно узнать, каково мнѣніе хановъ и старшинъ относительно прибытія каравана?

---

[28]) Имя г. Косыхъ было Сервеліанъ. Титулъ-же бека (князя, дворянина) былъ прибавленъ Алихановымъ, очевидно, для придавія особой важности представителю Коншина.

— Торговля—вещь хорошая,—прозвучало въ отвѣтъ на длинную рѣчь Алиханова,—но прежде необходимо, чтобы мервцы и русскіе слились въ одинъ народъ. И мы, опасаясь навлечь на себя отвѣтственность въ случаѣ покушенія дурныхъ людей (а таковые, къ сожалѣнію, есть вездѣ), рекомендуемъ вамъ ѣхать обратно въ Асхабадъ. Съ вами пошлемъ и нашихъ выборныхъ, въ Асхабадѣ вы съ ними сговоритесь окончательно и соедините узами дружбы два народа; вопросъ тогда о торговлѣ рѣшится самъ собою.

Отвѣтъ, какъ видно, былъ совершенно въ духѣ мервцевъ: крайне уклончивый и далеко не положительный.

— Мы—купцы, возразили Косыхъ и Алихановъ,—и не наше дѣло соединять или разъединять народы: для этого существуютъ представители народовъ и это дѣло ихъ разума; поэтому дайте намъ теперь же положительный и точный отвѣтъ: раскладывать ли намъ товары и начинать торговлю или уѣзжать обратно? Но считаемъ долгомъ предупредить васъ, что въ Асхабадѣ весьма не понравится такое наше возвращеніе, тѣмъ болѣе, что караванными путями чрезъ Мервъ для торговыхъ цѣлей пользуются и бухарцы, и афганцы, и хивинцы, и персы.

Голосъ Махдумъ-Кули-хана оказался рѣшающимъ: онъ объяснилъ собранію смыслъ предупрежденія стоявшихъ предъ старшинами русскихъ и отъ имени всѣхъ объявилъ, что не видитъ препятствія къ пребыванію русскаго каравана въ Мервѣ. Послѣ этого недружелюбныя отношенія

мервцевъ исчезли и часа два спустя послѣ «маслахата» Кара Кули-ханъ прислалъ къ Комекъ-баю одного изъ своихъ приближенныхъ съ просьбою, чтобы Комекъ расхвалилъ его передъ русскими, а немного погодя къ г. Косыхъ явилась цѣлая депутація отъ рода Бекъ во главѣ съ Алла Кули-ханомъ заявить, что они не замедлятъ свергнутъ Кара Кули хана, если тотъ будетъ продолжать свои враждебныя интриги противъ русскихъ гостей.

Молодой Майлы ханъ, едва успѣвъ доѣхать до дома, прислалъ съ однимъ изъ своихъ довѣренныхъ людей письмо, въ которомъ извинялся, что по молодости лѣтъ ничего не говорилъ на «маслахатѣ». Вмѣстѣ съ избравшимъ его народомъ считаетъ прибывшихъ русскихъ дорогими гостями и готовъ исполнить всѣ ихъ требованія. Словомъ, дѣла налаживались хорошо и первоначальныя недружелюбныя отношенія исчезли, словно по мановенію волшебника. Однако, жестокіе, двуличные и лукавые мервцы въ понятіяхъ о международныхъ отношеніяхъ оказались совершенными младенцами, какъ это и подобало быть полудикарямъ. Не смотря на всѣ категорическія разъясненія Косыхъ и его спутниковъ, что они— купцы и больше никто и что никакихъ порученій политическаго характера ни принимать, ни давать не могутъ, мервцы все же продолжали смотрѣть на нихъ и какъ на политическихъ агентовъ. И на ряду съ вопросами о куплѣ и продажѣ къ коммерсантамъ обращались съ самыми разнообразными замѣчаніями, по-

священными современному положенію русскихъ въ Ахалѣ и мервцевъ на ихъ родныхъ земляхъ. Ханы и старшины все болѣе и болѣе учащали свои визиты къ русскимъ гостямъ и вели съ ними безконечные разговоры на волновавшія ихъ темы. Изъ отдаленныхъ кочевій, съ границъ Бухары и Афганистана, ѣхали въ Мервъ представители различныхъ племенъ Мервскаго оазиса повидать заѣзжихъ «урусовъ» и перетолковать съ ними о важныхъ вещахъ.

Майлы-ханъ, напримѣръ, присылалъ сказать подъ величайшимъ секретомъ, что онъ въ настоящее время занятъ организаціей особой стражи для искорененія аламанства, а когда это дѣло будетъ доведено до конца, онъ предоставитъ себя въ полное распоряженіе русскихъ властей...

Махдумъ-Кули ханъ заявлялъ, что, наконецъ, рѣшился поѣхать въ Асхабадъ, но всетаки боится тамошнихъ русскихъ властей и потому убѣдительно проситъ купцовъ помочь ему своимъ заступничествомъ предъ асхабадскимъ начальствомъ.

Рѣзко перемѣнились и отношенія къ русскимъ гостямъ Кара-Кули-хана, который простеръ свою любезность до того, что, пригласивъ г. Косыхъ съ товарищами къ себѣ на обѣдъ, упрашивалъ ихъ перейти отъ Комекъ-бая къ нему на жительство и располагать его слугами и джигитами, какъ своими собственными, включительно до того, что русскіе съ ними могутъ даже посылать корреспонденцію въ Асхабадъ.

Виновникомъ такого неожиданно бла-

гопріятнаго отношенія мервцевъ г. Косыхъ и его товарищи совершенно справедливо считали Махдумъ-Кули хана, пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ среди мѣстныхъ племенъ, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что закулисная сторона всей этой перемѣны отношеній мервцевъ къ русскимъ коммерсантамъ крылась въ благосклонномъ отношеніи къ намъ вообще со стороны одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ Туркменіи, знаменитой Гюль Джемаль. Личность съ этимъ именемъ, какъ извѣстно, впослѣдствіи сыграла самую главную роль въ мирномъ подчиненіи Мервскаго оазиса Россіи. Вдова весьма популярнаго героя Геокъ-Тепе, Нуръ-Верды хана, мать малолѣтняго Юсуфъ-хана и мачеха Махдумъ-Кули-хана, Гюль-Джемаль являла собою рѣдкій образецъ того нравственнаго и умственнаго превосходства и обаянія личности, которыя всюду и всегда увлекали толпу и господствовали надъ ея настроеніемъ. Голосъ Гюль Джемаль въ дѣлахъ векильскаго рода имѣлъ гораздо больше значенія, чѣмъ голосъ ея пасынка; къ ея авторитетнымъ и умнымъ совѣтамъ прислушивались и ближніе, и дальніе роды мервцевъ. Во время пребыванія каравана въ Мервѣ Гюль Джемаль, между прочимъ, прислала сказать г. Косыхъ и его товарищамъ, что она пошлетъ въ Асхабадъ малолѣтняго Юсуфъ хана, если не найдется достаточно мужества для этого въ прочихъ членахъ ея семьи. Это былъ весьма прозрачный намекъ на обычную нерѣшительность Махдумъ-Кули-хана.

Какъ-бы то ни было, ледъ недовѣрія мервцевъ растаялъ и торговля русскими товарами пошла весьма бойко. Многіе мервцы даже послали письма въ Асхабадъ съ благодарностью за присылку каравана. Въ отвѣтъ на эти письма изъ Асхабада писали, что тамъ тоже довольны начавшимися торговыми сношеніями и просили прислать въ Асхабадъ мервскихъ купцовъ.

Расторговавшись довольно успѣшно,—хотя часть товаровъ была отдана въ долгъ,—караванъ 17 марта благополучно вернулся въ Асхабадъ. Его сопровождала многочисленная депутація отъ всѣхъ родовъ мервцевъ, между ними и отъ молодого отамышскаго хана Майлы хана. Полковникъ Аминовъ, повидимому, весьма довольный крайне благополучнымъ исходомъ посылки каравана въ Мервъ, увѣдомилъ о возвращеніи его пространными телеграммами генерала Рарберга, все еще находившагося въ Петербургѣ, тифлисское начальство, нашего посланника въ Тегеранѣ И. А. Зиновьева, Н. Н. Коншина, начальника Аму-дарьинскаго отдѣла и друг. лицъ.

Доносилъ о томъ, какихъ благопріятныхъ результатовъ можно достигнуть такого рода торговыми сношеніями, указывалъ, какія драгоцѣнныя свѣдѣнія добыты изъ этой посылки каравана въ дотолѣ невѣдомый оазисъ, подчеркивалъ, что необходимо немедленно приняться за подобный обмѣнъ сношеніями съ Мервомъ. Словомъ, Аминову уже рисовались широкія перспективы мирнаго водворенія русской гражданственности въ сосѣднемъ

большомъ и богатомъ оазисѣ чрезъ посредство широкаго обмѣна торговыхъ сношеній, благо, что первый починъ въ этомъ отношеніи былъ такъ удаченъ.

И сами мервцы, повидимому, искренно сочувствовали этому, тѣмъ болѣе, что причинъ для ссоры съ русскими уже не существовало: что было награблено въ послѣдніе аламаны, то возвращено владѣльцамъ. И мервскій караванъ-баши Комекъ-бай, никогда не бывшій до сего времени въ Асхабадѣ, пріѣхалъ сюда, выстроилъ здѣсь домъ съ лавками, посѣтилъ и осмотрѣлъ въ торговыхъ видахъ желѣзную дорогу. Комекъ обѣщался Аминову провести сколько угодно караванов изъ Бухары и Чарджуя чрезъ Мервъ въ Асхабадъ. Причемъ доказывалъ, что стоитъ лишь начать дѣло, какъ въ Мервѣ найдется не мало людей, которые не прочь заняться караванною перевозкою товаровъ. Вотъ только развѣ будутъ мѣшать движенію каравановъ бухарскіе туркмены, кочующіе близъ Аму-Дарьи.

И какъ первый «починальникъ», Комекъ бай снарядилъ небольшой караванъ желѣза и нефти и, снабженный рекомендательными письмами Аминова бухарскому кушъ беги и русскимъ фирмамъ въ Бухарѣ, выѣхалъ изъ Асхабада чрезъ Мервъ въ Бухару.

Вслѣдъ за Комекъ-баемъ въ Асхабадъ стали наѣзжать и другіе мервскіе торговцы. На мервскихъ базарахъ было объявлено, чтобы мервцы по возможности больше сѣяли хлопка, такъ какъ онъ

будетъ имѣть въ Асхабадѣ вѣрный сбытъ.

Въ политическомъ отношеніи главные результаты посылки торговаго каравана заключались въ открытіи доступа въ Мервъ частнымъ русскимъ караванамъ и въ разубѣжденіи мервцевъ въ недоступности ихъ страны. Мервцы, по свидѣтельству участниковъ каравана, говорили, что «теперь, когда русскіе побыли въ Мервѣ, послѣдній можно считать на половину покореннымъ ими».

Кромѣ того, съ возвращеніемъ каравана сдѣлалось извѣстнымъ, кто изъ мервцевъ пользуется необходимымъ вліяніемъ, а получились болѣе точныя свѣдѣнія объ общемъ положеніи дѣла въ Мервскомъ оазисѣ; произошло подробное ознакомленіе съ главнѣйшими туда путями изъ Ахалъ-Текинскаго раіона и Атека. Поручикъ Алихановъ представилъ обстоятельное и впервые составленное на русскомъ языкѣ описаніе «Мервскомъ оазиса и дорогъ, ведущихъ къ нему» на 203 страницахъ съ картами и маршрутными съемками, а его collega по путешествію, хорунжій Соколовъ, составилъ подробную «Записку о путяхъ Асхабада въ Мервъ» (на 107 страницахъ).

Въ мартѣ и апрѣлѣ мервцы извѣщали, что, «желая служить русскому правительству, рѣшили сообща исправить недостатки народа». И дѣйствительно, награбленное въ послѣднихъ аламанахъ возвращалось владѣльцамъ имущества, а когда аламанщики, совершивъ набѣгъ на Хиву, возвращались съ большою добычею,

ихъ встрѣтили векильцы и послѣ жаркой схватки отбили у разбойниковъ добычу.

Съ обѣихъ сторонъ были раненые, у аламанщиковъ сверхъ того и одинъ убитый. «Мы сдѣлались убійцами»,—торжественно заключали свое донесеніе объ этомъ въ Асхабадъ векильскіе старшины [29]).

Даже Кара Кули-ханъ, судя по его письму полковнику барону Аминову отъ 12 апрѣля, выражалъ полное желаніе, если аламанщики ограбятъ кого-либо, «возвратить награбленное имущество вдвое» [30]). И хотя въ то-же время векильцы и сообщали въ Асхабадъ, что Кара-Кули-хану не слѣдуетъ довѣрять, ибо по его проискамъ былъ ограбленъ въ послѣдніе дни бухарскій караванъ,—однако подозрѣніе и неудовольствіе асхабадскаго начальства должно было разсѣяться, когда, спустя два мѣсяца послѣ возвращенія изъ Мерва каравана, именно въ маѣ, въ Асхабадъ лично явился вмѣстѣ съ отамышскимъ Майлы-ханомъ и тохтамышскій Кара-Кули-ханъ. Съ обоими торжественно были заключены «мирныя условія».

---

[29]) Письмо векильцевъ асхабадскимъ властямъ на стр. 136 въ дѣлѣ № 1.

[30]) Его письмо полковнику Аминову на стр. 138 въ дѣлѣ № 1.

Съ этого момента какъ будто наступила пора вполнѣ дружескихъ отношеній къ мервскому народу. Аламаны затихли, происходилъ обмѣнъ любезными письмами и подарками, велись торговыя сношенія. Комекъ-бай благополучно расторговался въ Бухарѣ и аккуратно доставилъ полковнику Аминову письмо отъ кушъ-беги съ выраженіемъ обычныхъ любезностей.

Лѣтомъ того же года покинулъ область баронъ Аминовъ, не ладившій, говорятъ, съ генераломъ Рербергомъ. Шумныя проводы, устроенныя отъѣзжающему начальнику штаба войскъ, до сихъ поръ еще въ памяти старыхъ закаспійцевъ.

Затишье въ мервскихъ дѣлахъ продолжалось до осени.

10 октября прибылъ въ Асхабадъ изъ Мерва Майлы-ханъ и Ханимъ-ханъ и съ ними шесть старшинъ, всѣ племени Сычмазъ[31]). Они заявили, что не желаютъ признавать правителемъ Мерва хивинскаго ставленника Юсуфъ Бая и просили назначить имъ хана изъ ихъ среды. При этомъ прибавляли, что все племя Сычмазъ желаютъ имѣть ханомъ Майлы хана, который и раньше былъ выбранъ, и отецъ, и дѣдъ котораго также были ханами.

Депутація просила генерала Рерберга прислать къ нимъ въ Мервъ особаго уполномоченнаго присутствовать при выборахъ хана, чтобы эти выборы были, такъ сказать, санкціонированы русскимъ

---

31) Все изложенное дальше о Майлы-ханѣ заложено по дѣлу № 30 штаба войскъ Закаспійской области 1882 года.

правительствомъ и Майлы-ханъ считался бы русскимъ ставленникомъ.

Эта попытка одного изъ важныхъ мервскихъ племенъ признать себя вассалами русскихъ естественно возбудила въ Асхабадѣ живѣйшій интересъ и генералу Рербергу ужъ казалось, что и остальные племена Мерва: Бакши, Бекъ и Векиль тоже не будутъ признавать хивинца и обратятся за выборомъ себѣ хановъ къ русскимъ властямъ [32]).

Въ Мервъ былъ посланъ инженеръ путей сообщенія, коллежскій ассесоръ Лессаръ[33]) съ нѣсколько своеобразными инструкціями, рисующими излишній формализмъ тогдашнихъ асхабадскихъ властей и непониманіе внутренняго уклада жизни мервскаго народа. Лессару было предписано взять съ собою въ Мервъ всѣхъ аксакаловъ, пріѣхавшихъ съ Майлы-ханомъ, собрать все племя Сычмазъ, которое затѣмъ должно выбрать изъ своей среды особыхъ уполномоченныхъ. Отъ послѣднихъ же потребовать письменнаго заявленія: 1) дѣйствительно ли предки Майлы хана были ханами и правда-ли, что и онъ избранъ ханомъ племени Сычмазъ и 2) если Майлы-ханъ будетъ утвержденъ нашимъ правительствомъ въ этомъ званіи, то всѣ сычмазцы будутъ ему безпрекословно повиноваться до тѣхъ поръ, пока самъ Майлы-ханъ не отступитъ отъ исполненія приказаній русскаго правительства.

32) Депеша генерала Рерберга командующему войсками Кавказскаго военнаго округа отъ 13 окт. 1882 г. № 173.

33) Впослѣдствіи нашъ посолъ въ Китаѣ, скончавшійся въ Пекинѣ въ 1905 году.

При этомъ Лессару ставилось на видъ, что если и другія племена мервцевъ не признаютъ надъ собою власти Юсуфъ-Бая, то необходимо продѣлать такую же процедуру избранія ими хановъ, что и сычмазцамъ.

Словомъ, мервцамъ, искони въ трудныя минуты рѣшавшимъ вопросы объ избраніи себѣ хановъ на основаніи открытой, прямой, равной и всеобщей подачи голосовъ, а въ обычное время обходившихся безъ хановъ (почему и званіе «ханъ» въ такихъ случаяхъ почти не имѣло значенія), рекомендовались выборы, напоминавшіе современные пріемы выборовъ въ Государственную Думу.

Приложеніе подобныхъ инструкцій на практикѣ, какъ это и можно было предвидѣть, потерпѣло полное фіаско.

Лессаръ выѣхалъ изъ Асхабада 19 октября съ переводчикомъ начальника области Ахмедъ Бекомъ-Эфендіевымъ, джигитами для посылокъ и конвоемъ изъ казаковъ. Майлы ханъ остался заложникомъ въ Асхабадѣ.

По прибытіи въ Мервъ Лессаръ и Эфендіевъ[34]) были приняты десятью почетными сычмазскими старшинами, которые заявили, что «маслахатъ» (народное совѣщаніе) уже состоялось и Майлы хана они выбрали сычмазскимъ ханомъ. —Помилуйте,—изумился Лессаръ,—вѣдь этакъ нельзя, а кочевья-то всѣ согласны

---

[34]) О пребываніи Лессара въ Мервѣ изложено отчасти по его отчету въ дѣлѣ № 30, а главнымъ образомъ со словъ г. Эфендіева, этой живой лѣтописи всѣхъ событій въ Туркменіи отъ ея завоеванія и до нашихъ дней.

на такой выборъ? Надо ихъ объѣхать и спросить!

— Охъ, бояръ, это лишнее! Что сдѣлано нами, то и будетъ сдѣлано и всѣми,—возразили старшины.

— Ну такъ пригласите хоть человѣка по 2 по 3 съ каждаго селенія и общимъ голосованіемъ произведите выборы.

— Пустое, бояръ, къ чему?—замахали руками сѣдобородые «отцы народа».

Однако, по настоянію Лессара старшины собрали небольшой «маслахатъ», на который въ виду его немногочисленности не рѣшились пригласить Лессара. Тамъ и были произведены выборы хановъ: Майлы-ханъ былъ избранъ для племени Сычмазъ, а Сары Батырь, хитрый и ловкій человѣкъ, хотя и незнатнаго рода,—былъ избранъ ханомъ племени Бахши. При этомъ Лессаръ по разсказамъ и опыту убѣдился, что всѣ избранія хановъ въ мирное время не отличаются большимъ стеченіемъ избирателей и потому то ханы не имѣютъ никакой власти и постоянно смѣняются и что въ средѣ каждаго племени интригуетъ собственно нѣсколько партій, изъ коихъ каждая старается имѣть первенствующее значеніе и сдѣлать ханомъ своего лидера. Этотъ ханъ имѣлъ, разумѣется, лишь только отчасти вліяніе на дѣла народныя, олицетворяя въ себѣ лишь тѣнь настоящей правительственной власти. Вмѣстѣ съ этимъ обнаружилось, что сычмазцы, сторонники Майлы хана, потому желали его въ ханы при непремѣнномъ утвержденіи русскими этого избранія, чтобы упрочить авторитетъ Май-

лы-хана среди роднаго племени и чтобы онъ не былъ такъ скоро смѣщенъ, какъ смѣнялись всѣ прочіе ханы по капризамъ или происканъ враждебныхъ имъ партій. Причемъ, старшины сычмазцевъ пошли на уступки и стали просить Лессара, чтобы онъ объѣхалъ кочевья племени и объяснилъ жителямъ, что онъ пріѣхалъ къ нимъ отъ имени русскаго правительства поставить хана.

Но Лессаръ, основываясь на инструкціяхъ генерала Рорберга произвести выборы хана непремѣнно на извѣстныхъ условіяхъ, отказалъ сычмазцамъ какъ въ ихъ просьбѣ, такъ и въ утвержденіи слабохарактернаго Майлы-хана. Конечно, было средство сплотить не только всѣ партіи сычмазцевъ, но и всѣ племена Мервскаго оазиса и остановить ихъ вниманіе на одномъ какомъ либо лицѣ,—это средство—деньги, излюбленная восточнымъ народомъ система широкаго подкупа, всюду и всегда на Востокѣ дѣлавшая чудеса, но до этого ни въ Асхабадѣ, ни тѣмъ болѣе въ Тифлисѣ и Петербургѣ не додумались. И мервскія дѣла затянулись.

На третій день своего пріѣзда въ Мервъ Лессаръ и его спутники мирно спали въ кибиткѣ, какъ вдругъ къ нимъ врывается одинъ изъ ихъ джигитовъ, асхабадецъ Паша Сердарь, и торопитъ зажечь огонь и уѣзжать домой, не медля ни минуты, ибо, по его словамъ, другія племена мервцевъ собрали большой «маслахатъ», на которомъ подъ вліяніемъ Кара-Кули хана и порѣшили на завтра убить

всѣхъ пріѣхавшихъ въ Мервъ русскихъ «бояровъ».

Рано утромъ Лессаръ попросилъ къ себѣ старшинъ и заявилъ имъ о своемъ намѣреніи выѣхать въ Асхабадъ, прося дать ему провожатыхъ до границъ Мервскаго оазиса. Старшины, разумѣется, изумились, почему такъ скоро уѣзжаетъ «бояръ», не погостивъ еще нѣсколько дней. Но подъ вліяніемъ просьбы Лессара уступили и дали ему провожатыхъ до самаго Серахса. Нечего, конечно, добавлять, что Лессаръ и Эфендіевъ со всѣми сопровождавшими ихъ людьми тотчасъ же поспѣшно выѣхали изъ «гостепріимнаго» Мерва.

По возвращеніи Майлы хана изъ Асхабада сычмазцы писали генералу Рербергу, что они избрали ханомъ Майлы-хана съ общаго согласія и что инженеръ Лессаръ, почему-то торопясь ѣхать въ Серахсъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ опросить всѣхъ представителей племени, согласны-ли тѣ имѣть ханомъ Майлы хана. Поэтому просятъ прислать грамоту Майлы-хану, что русское правительство утверждаетъ его сычмазскимъ ханомъ. Генералъ Рербергъ въ этой просьбѣ сычмазцевъ категорически отказалъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ совершались такія событія, которыя сдѣлали-бы существованіе въ Мервѣ нашего ставленника далеко не лишнимъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1882 года, почти одновременно съ поѣздкою Лессара въ Мервъ, тамъ умеръ намѣстникъ Хивинскаго хана Юсуфъ Бай.

Тихій старикъ, большой, говорятъ

поклонникъ опія, совершенно не вмѣшивался въ народныя дѣла и числился правителемъ лишь по имени. Поэтому генералъ Рербергъ депешей просилъ тогдашняго главноначальствующаго на Кавказѣ, князя Дондукова-Корсакова[35]) «оказать содѣйствіе», чтобы Хивинскій ханъ не присылалъ въ Мервъ замѣстителя Юсуфъ Бая. Такъ какъ мервцы совершенно не просили у Хивы себѣ правителя, то и назначеніе Юсуфъ-Бая въ свое время вызвало среди туркменъ Мерва большое неудовольствіе. Взамѣнъ сего генералъ Рербергъ, въ противность своему отказу въ просьбѣ сычмазцевъ, просилъ предоставить каждому изъ четырехъ племенъ Мерва (Бекъ, Векиль, Сычмазъ и Бахши) выбрать себѣ хана съ тѣмъ, чтобы эти ханы были утверждены русскимъ правительствомъ и въ случаѣ какихъ-либо споровъ между собою они пріѣзжали-бы для разбора дѣлъ въ Асхабадъ, или чтобы изъ Асхабада посылались въ Мервъ уполномоченные отъ начальника Закаспійской области.

Въ отвѣтъ на это князь Дондуковъ Корсаковъ шифрованной депешей сообщилъ генералу Рербергу, что имъ сдѣлано сношеніе съ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ «съ цѣлію удержа-

---

[35]) Большого, между прочимъ, любителя шампанскаго, пріятнаго салоннаго кавалера, пользовавшагося большимъ успѣхомъ у дамъ, гостуна и весельчака. Какъ характеристика устойчивости его взглядовъ на служебныя и частныя дѣла извѣстна ходившая о немъ поговорка, что „Корсаковъ сбѣщалъ, но Дондуковъ откажетъ“.

нія Хивинскаго хана отъ назначенія въ Мервъ новаго правителя». Причемъ, рекомендовалъ въ отношеніи будущаго устройства управленія въ Мервѣ «воздерживаться отъ предъявленія требованій, могущихъ вызвать сопротивленіе». «Слѣдуетъ,—прибавлялъ князь Довдуковъ - Корсаковъ,—дѣйствовать путемъ убѣжденій и внушеній».

Словомъ, въ депешѣ такъ и сквозила исконная и типичная для нашей внѣшней политики въ Средней Азіи боязнь Англіи.

«Къ точному руководству», положилъ на депешѣ резолюцію генералъ Рербергъ, хотя вслѣдъ за этимъ происшедшія событія показали, какъ трудно было руководствоваться «голубиною кротостью» въ отношеніяхъ къ мервцамъ.

За два дня до депеши князя Довдукова-Корсакова (13 ноября) въ Асхабадѣ было получено извѣстіе отъ каахкинца Аба Онъ-беги, что четыре англійскихъ агента, «одѣтые въ черные халаты», прибыли чрезъ Гератъ въ Мервъ къ тохтамышцамъ и что подъ вліяніемъ ихъ рѣчей среди мервцевъ уже начинается враждебное отношеніе къ русскому правительству. «Считая себя вѣрноподданнымъ Бѣлаго Царя, я поставляю васъ въ извѣстность объ этомъ и полагаю, что вы примете соотвѣтствующія мѣры», писалъ, между прочимъ, командующему войсками области Аба Онъ беги. Результаты англійской пропаганды не замедлили сказаться.

Сначала произошло, повидимому, вышеупомянутое воздѣйствіе на болѣе безпо-

войную часть мервцевъ для нападенія на заѣхавшаго въ Мервъ Лессара, а затѣмъ въ Асхабадъ пришло извѣстіе, что мервцы напали на партію топографовъ по дорогѣ изъ Мерва въ Мешедъ, въ 30 верстахъ отъ селенія Чеача[36]), ранили одного чиновника и убили трехъ казаковъ.

Въ Асхабадѣ заволновались и къ «уважаемымъ и дружественнымъ ханамъ Мерва», Кара-Кули-хану и Майлы хану, полетѣли письма. Напоминая о заключенныхъ съ русскими договорахъ, генералъ Рербергъ, «требовалъ исполненія обязательствъ», заключавшихся въ этихъ договорахъ, именно, не принимать въ Мервъ тѣхъ иностранцевъ, которые дѣйствуютъ во вредъ нашимъ отношеніямъ.

Майлы ханъ не отвѣталъ на это письмо, но вмѣстѣ съ долго-жданнымъ Махдумъ Кули ханомъ лично явился въ Асхабадъ «на поклонъ» генералу Рербергу. Почти тотчасъ же за выѣздомъ изъ Мерва хановъ начались аламаны мервцевъ какъ въ нашу сторону, такъ и въ другія мѣста; вмѣстѣ съ тѣмъ стали приходить извѣстія, что мервцы получаютъ много ружей усовершенствованнаго образца изъ Герата и Мешеда. Въ Атекѣ и Асхабадѣ появились мервскіе шпіоны, сносившіеся съ англичанами и ихъ доброхотами—афгавцами. Положеніе становилось очень серьезнымъ. Вблизи Асхабада были поставлены два казачьихъ поста для наблюденія, на всѣхъ пунктахъ, занятыхъ нами, было усилено ночное сторожевое наблюденіе, причемъ

---

[36]) Нынѣ находится въ Атекскомъ приставствѣ, Теджевскаго уѣзда

по ночамъ изъ пунктовъ не приказано было никого выпускать.

Неспокойные элементы Мервскаго оазиса высоко подняли головы и рѣшили на совѣтѣ не только не выдавать грабителей русскимъ, но и сопротивляться всякимъ требованіямъ къ послѣднимъ. Говорили также, что на этомъ совѣтѣ рѣшено было подчинить всѣхъ нукеровъ Мерва[37]) Кара-Кули-хану, который сдѣлается полновластнымъ ханомъ всего оазиса. Мало того, воспрянувшіе духомъ мервцы слали своимъ единоплеменникамъ въ Теджент массу писемъ, уговаривая ихъ переселиться къ нимъ, порвавъ съ русскими всякія сношенія.

При такомъ угрожающемъ положеніи дѣлъ генералъ Рербергъ просилъ неоднократно доказывавшаго намъ свою преданность Махдумъ-Кули-хана поторопиться отправиться въ Мервъ и такъ или иначе воздѣйствовать на мервцевъ въ смыслѣ перемѣны къ намъ ихъ отношеній. И Махдумъ-Кули ханъ, пробывъ въ Асхабадѣ нѣсколько дней, до ноября выѣхалъ обратно въ Мервъ съ Майлы-ханомъ. Въ Мервѣ ханы застали полное броженіе и недовольство русскими. Майлы-ханъ, памятуя данную присягу русскому правительству, арестовалъ было одного изъ грабителей, участвовавшаго въ одномъ изъ набѣговъ, но тридцать человѣкъ, недовольныхъ поступкомъ

---

[37]) Письмо инженера Лессара генералу Рербергу изъ Кизыкъ отъ 30 ноября 1882 г. (стр. 168, дѣло № 1).

Майлы-хана, силою освободили арестованнаго[38].)

Повидимому, и Махдумъ-Кули ханъ ничего не могъ подѣлать съ мервцами въ смыслѣ нравственнаго на нихъ воздѣйствія. Тѣмъ болѣе, что вскорѣ по возвращеніи его въ Мервъ тамъ случилось совершенно неожиданное событіе: въ Мервъ прибылъ изъ Хивы новый намѣстникъ Хивинскаго хана Абдуръ-Рахманъ-бай, сынъ Баки-Магаррама, за которымъ мервцы, оказывается, раньше посылали съ просьбою быть ему, Абдуръ-Рахманъ-баю, у нихъ правителемъ.

И падкіе ко всякаго рода новизнѣ и неизбѣжнымъ подаркамъ, отъ кого-бы они не получались, мервцы устремились къ хивинцу, сразу забывъ и русскихъ, и англичанъ.

«У этого народа много лжи и хитрости,—съ грустью писалъ генералу Рербергу о мервцахъ Махдумъ Кули-ханъ[39]),—то говорятъ, что они считаютъ себя слугами асхабадскаго начальства и Бѣлаго Царя, то кричатъ, что они поступятъ согласно приказанію прибывшаго изъ Хивы Абдуръ Рахманъ Бая, сына Баки Магаррама».

Съ пріѣздомъ хивинца, а, быть можетъ, и опираясь на обѣщанія англійскихъ агентовъ, недавно клявшійся «на святомъ Алкоранѣ» въ вѣрности Россіи Кара Кули ханъ, повидимому, почувствовалъ прочную почву для своихъ сепаратистскихъ стремленій и въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо генерала Рерберга не принимать въ Мервъ иностранныхъ

---

[38]) Его письмо отъ 19 декабря 1882 г.

[39]) На стр. 181, дѣло № 1.

агентовъ прислалъ весьма дерзкое письмо. Въ немъ онъ просилъ освободить одного изъ мервцевъ, участвовавшихъ въ нападеніи на топографовъ, содержащагося въ Асхабадѣ подъ стражею, а затѣмъ укорялъ Рерберга за убійство мервца, который хотѣлъ убить казака, тяжело ранивъ его.

«Всѣ эти поступки твои,—говорилъ въ заключительныхъ строкахъ своего письма Кара-Кули ханъ,—явно противоположны нашей преданности русскому правительству и нашимъ услугамъ ему. Неужели это служитъ воздаяніемъ за всю мою вѣрность?»[40])

Ясно было, что престижъ русской власти въ глазахъ мервцевъ окончательно палъ. Вернуть его слѣдовало во что бы то ни стало и генералъ Рербергъ, пространной депешей донося по начальству о событіяхъ послѣднихъ дней въ Мервскомъ оазисѣ, настойчиво при этомъ просилъ[41]), чтобы было назначено содержаніе четыремъ наиболѣе вліятельнымъ мервскимъ ханамъ по 2400 рублей въ годъ каждому; чтобы на р. Теджент было разрѣшено содержать конные посты изъ тедженскихъ и атекскихъ туркменъ (преданныхъ намъ) съ платою каждому милиціонеру по 30 р. въ мѣсяцъ и 4 сердарямъ при нихъ по 50 рублей. Всего расходовъ исчислялось на 38400 рублей въ годъ. Вмѣстѣ съ этимъ генералъ Рер-

---

[40]) Его письмо въ оригиналѣ на стр. 189 дѣла № 1.

[41]) См. черновикъ донесенія командующему войсками Кавказскаго военнаго округа, писанный рукою самого генерала Рерберга, на стр. 177—180 того-же дѣла.

бергъ проектировалъ занятіе Кары-Бенда (старая плотина), лежащаго по дорогѣ изъ Душака въ Мервъ, Таше-Бенда (новая плотина), въ 50 верстахъ отъ Кары-Бенда, и Кущи, по дорогѣ изъ Мешеда въ Мервъ, верстахъ въ 30 отъ Серахса.

Но это ходатайство генерала Рерберга не скоро было удовлетворено: по крайней мѣрѣ, онъ не дождался его осуществленія при себѣ. Петербургскіе и тифлисскіе кабинеты, повидимому, не торопились съ рѣшеніемъ хотя-бы и важнѣйшихъ вопросовъ окраинной политики Россіи.

Между тѣмъ намѣстникъ Хивинскаго хана, поселившись въ Мервѣ, началъ проявлять весьма активное вмѣшательство во внутреннюю, жизнь мервцевъ. И, будучи, повидимому, чело вѣкомъ весьма недюжиннымъ, скоро привлекъ на свою сторону самые безпокойные элементы народонаселенія. Ярлыкъ Хивинскаго хана, которымъ былъ снабженъ Абдуръ-Рахманъ бай, былъ составленъ въ весьма корректныхъ по отношенію къ Россіи выраженіяхъ восточныхъ народовъ, и потому въ Асхабадѣ, получивъ копію этого ярлыка, принуждены были только его принять къ свѣдѣнію и приложить къ соотвѣтствующему рапорту тифлисскому начальству. Масса выраженій, весьма корректныхъ по отношенію къ русскому правительству, пышныя фразы и туманныя обѣщанія ярлыка не заключали никакихъ опредѣленныхъ инструкцій Абдуръ Рахманъ-баю[42]). Надо было думать, что по-

---

[42]) Позволю привести здѣсь этотъ ярлыкъ въ переводѣ съ узбекскаго (оригиналъ на стр. 212, дѣло № 1), какъ характерный образецъ подоб-

слѣдній получилъ ихъ отъ хана особо, ибо всѣ послѣдующія его дѣйствія пока-

---

ныхъ грамотъ средне-азіатскихъ властителей.

„Да будетъ извѣстно вѣрнымъ и преданнымъ намъ племенамъ текинскаго народа, Огамышъ и Тохтамышъ, взрослымъ и малолѣтнимъ, старѣстамъ, старшинамъ и военнымъ, пребывающимъ въ надеждѣ на высокія милости наши и непоколебимо стоящимъ на ногахъ вѣрности къ намъ, что мы получили и узнали содержаніе грамоты ихъ, посланной чрезъ дружественныхъ и преданныхъ намъ: племянника Кара-Кули-Бегляръ-беги сына Бекъ Мурадъ-хана и есаулъ баши Оразъ Мамедъ хана.

Опоясавъ себя чувствами преданности, служите вѣрностью!

Изволеніемъ Всемогущаго Бога мы искони обращали къ вамъ свои взоры, исполненные благосклонности и доброжелательности, дабы всѣ жители Мервскаго оазиса пользовались свободою, покоемъ и полнымъ благосостояніемъ, (Въ виду этого и теперь) не дозволяйте ворамъ, грабителямъ и разбойникамъ нападать какъ на проходящіе караваны, такъ и на отдѣльныхъ путешественниковъ съ намѣреніемъ грабежей и убійствъ. Особенно не притѣсняйте подданныхъ русскаго государства и не чините имъ никакихъ убытковъ, ибо съ этимъ государствомъ мы находимся въ самыхъ искреннихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Друзья Россіи суть наши друзья и враги Россіи—наши враги, равно и то великое государство признаетъ нашихъ друзей своими друзьями и враговъ нашихъ—своими врагами.

Вмѣстѣ съ симъ да будетъ вамъ вѣдомо, что для управленія страною вашею и для поощренія добрыхъ и наказанія злыхъ, а равно для сохраненія края вашего въ спокойствіи, мы посылаемъ къ вамъ досточтеннаго Рахманъ-бая. Подчиняйтесь ему во всемъ, служите и оказывайте ему свое содѣйствіе!

Если вы поступите согласно сего августѣйшаго ярлыка и не будете отступать отъ него, то Господнею волею и Мервскій оазисъ, и народъ, населяющій его, не испытаетъ никакихъ трудностей и бѣдствій.

зывали, что хивинецъ велъ дѣло, чтобы Мервъ былъ подчиненъ Хивѣ на правахъ отдѣльной провинціи этого ханства.

Пышный въѣздъ его въ Мервъ, верблюды, нагруженные разными подарками, и деньгами для раздачи населенію, ласковыя и многообѣщающія рѣчи скоро сдѣлали свое дѣло. Мервцы раздѣлились на двѣ партіи: одна, наиболѣе значительная, во главѣ съ Кара-Кули ханомъ, была на сторонѣ Абдуръ-Рахманъ-бая, а меньшинство, съ Махдумъ-Кули-ханомъ и Майлы-ханомъ, были по-прежнему вѣрны Россіи. Скоро начавшіяся распри между представителями этихъ партій стали доходить и въ Ашхабадъ въ формѣ различныхъ писемъ, изъ содержанія которыхъ обрисовалась дѣятельность хивинскаго намѣстника.

«Татъ[43]) прибылъ сюда не по предписанію русскаго правительства, писалъ, между прочимъ Махдумъ-Кули-ханъ въ

Сверхъ того, знайте, что по условію, заключенному между нами и русскимъ государствомъ не долженъ взыскиваться зекатъ (зекатъ,—по мусульманскому закону, извѣстная часть, отчисляемая съ имущества или дохода въ пользу бѣдныхъ) съ подданныхъ обоихъ государствъ. Помните, старшины мервскаго народа, нашу древнюю хлѣбъ соль!

Кромѣ Россіи не посылайте ни писемъ, ни людей въ Афганистанъ, Англію и Персію, и по всѣмъ дѣламъ вашимъ обращайтесь къ упомянутому Рахманъ-баю.

Писанъ этотъ августѣйшій ярлыкъ въ царственномъ городѣ Хивакѣ, въ послѣдній день мѣсяца Махоррема, 1300 года Хиджры (29 ноября 1882 года.

43) Татами туркмены называютъ хивинцевъ, бухарцевъ и персіанъ.

Асхабадъ[44]),—и нѣтъ у него русскаго ярлыка. Онъ не настоящій правитель, а самозванецъ, прибывшій съ намѣреніемъ собирать съ здѣшняго народа зекатъ и баджъ[45]) съ каравановъ и половинную часть собираемыхъ податей отдать сборщикамъ, а другую половину оставить себѣ.

Рахманъ-бай испортилъ мои планы и я не могу добиться отъ этого народа единогласнаго и основательнаго отвѣта (въ свою пользу). Нѣкоторые люди принимаютъ во вниманіе мои слова, нѣкоторые-же обращаются къ правителю—тату и черезъ это я не могу добиться благопріятныхъ результатовъ»...

Кромѣ того, Абдуръ-Рахманъ-бай склонялъ корыстолюбивыхъ мервцевъ въ свою пользу щедрою раздачею денегъ: кому давалъ 5, кому 10 тенегъ[46]); другихъ привлекалъ различными обѣщаніями и разнаго рода любезностями. Опираясь на содѣйствіе Кара Кули-хана, хивинецъ сталъ приводить свое намѣреніе—собирать подати съ народа, братски раздѣляя ихъ съ Кара-кули-ханомъ,—въ исполненіе. Мервцы, очарованные Абдуръ Рахманъ баемъ, не препятствовали этому. Мало того, хивинскій правитель просилъ мервцевъ дать ему право смертной казни; сверхъ ожиданія свободолюбивые мервцы (ора-

---

[44]) См. письмо Махтумъ-Кули-хана на имя командующаго войсками области отъ 24 декабря 1882 года, въ д. № 1, стр. 208.

[45]) Пошлина съ каравановъ.

[46]) Теньга—монетная единица Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ; прежде курсъ ея колебался отъ 16 до 20 коп.; нынѣ установленъ неизмѣнный курсъ въ 15 коп.

вда, не всѣ) согласились и на это[47]).

А чтобы устранить вліяніе мѣшавшаго видамъ хивинца Махдумъ-Кули-хана, Кара-Кули-ханъ писалъ генералу Рербергу, чтобы онъ отозвалъ изъ Мерва въ Асхабадъ Махдумъ-Кули-хана. Конечно, въ этомъ было отказано.

Словомъ хозяйничанье въ Мервѣ Абдуръ Рахманъ-бая служило наглядным и весьма поучительнымъ примѣромъ для асхабадскихъ властей въ частности и русскаго правительства вообще, какъ слѣдовало дѣйствовать въ отношеніи мервскаго народа, чтобы заслужить его расположеніе и господствовать надъ нимъ.

Однако, и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ попытки генерала Рерберга физическаго воздѣйствія на мервцевъ все-же удались, ибо посланный имъ въ январѣ 1883 года въ Мервъ вахмистръ туркменской милиціи Маргания съ 15 джигитами для поимки главнаго аламанщика и грабителя Берды-Абу и его «сподвижника» Пехлаван-хана[48]) безъ труда захватилъ ихъ и мервцы при полной возможности воспрепятствовать этому все же не рѣшились оказать сопротивленія.

Боязнь могущества Россіи, повидимому, еще существовала среди мервскихъ

[47]) Письмо Майлы-хана на имя генерала Рерберга, въ дѣлѣ № 1, ст. 132.

[48]) Бердy-Абу, впрочемъ, въ дорогѣ убѣжалъ, когда Маргавія дошелъ до Каахка), но, благодаря энергичнымъ розыскамъ Махдумъ-Кули-хана и Майлы-хана, былъ пойманъ людьми послѣднихъ и доставленъ въ Асхабадъ (см. перевод ъ письма Махдумъ-Кули-хана генералу Рербергу отъ 11 января 1883 года, на стр. 212, дѣла № 1).

туркменъ и, кто знаетъ, быть можетъ болѣе активное воздѣйствіе на мервцевъ и убѣдило бы ихъ въ призрачности дутаго значенія хивинскаго намѣстника. Но генералъ Рербергъ не рѣшился на дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи и депешей (отъ 28 января) просилъ князя Дондукова Корсакова лишь «настоять, чтобы хивинскій ханъ отозвалъ Рахманъ-бая», такъ какъ оказывалось[49]), что ханъ назначилъ Абдуръ Рахманъ бая безъ вѣдома генерала Черняева, тогдашняго Туркестанскаго генералъ-губернатора. Послѣдній послѣ смерти перваго хивинскаго намѣстника Юсуфъ бая писалъ хану, чтобы онъ воздержался отъ отправки намѣстника въ Мервъ, но посылка Абдуръ-Рахманъ бая произошла, повидимому, до полученія ханомъ письма генерала Черняева.

Въ то-же время, какъ шла переписка объ отозваніи хивинскаго намѣстника, въ Серахсъ прибылъ 26 января секретарь англійской миссіи въ Тегеранѣ, по словамъ англичанъ, назначенный передъ тѣмъ, будто-бы, политическимъ агентомъ въ Хафъ и Биржандъ на мѣсто извѣстнаго полковника Стюарта[50]). Съ нимъ былъ англійскій агентъ въ Мешедѣ, умный и энергичный Мирза-Аббасъ-ханъ, и 10 всадниковъ-провожатыхъ.

---

[49]) Телеграмма генералъ-лейтенанта Черняева генералу Рербергу отъ 14 января 1883 года, въ дѣлѣ № 1.

[50]) Энергичнаго, весьма способнаго и свѣдущаго человѣка, хорошо представлявшаго себѣ современное положеніе Средне-азіатскаго вопроса, и автора прекрасной статьи въ сентябрьской книжкѣ *The Geographical Journal* за 1881 г.

По свѣдѣніямъ, поступавшимъ отъ разныхъ лицъ, главнымъ образомъ, отъ нашего коммерческаго агента въ Мешедѣ Насырбекова, въ Асхабадѣ уже были предупреждены, что за цѣли преслѣдовалъ г. Стивенсъ, направлявшійся, будто бы, къ мѣсту своего служенія и «по пути» желавшій ознакомиться съ пригранич-ной съ Персіей полосою. Его усиленныя старанія въ Мешедѣ занять какъ можно больше денегъ у афганскихъ и персид-скихъ купцовъ и снабдить ими Мирзу-Аббасъ-хана въ цѣляхъ пропаганды среди туркменъ Мерва естественно заставили ас-хабадскихъ властей быть на-сторожѣ и потому, узнавъ о прибытіи Стивенса въ Серахсъ, генералъ Рербергъ послалъ пись-

---

„*The Country of the Tekke Turcomans and the Tedjend and Murghab Rivers*“. Подъ предлогомъ временной командировки для наблюденія за происками противниковъ эмира Абдурь-Рахма-на на афганской границѣ, Стюартъ разъѣзжалъ по всему Хорасану, имѣя въ лицѣ британскаго агента въ Мешедѣ, Мирза-Аббасъ-хана, отлич-наго помощника и располагая при томъ значи-тельными денежными средствами. Въ бытность свою въ августѣ 1882 г. въ Мешедѣ Стюартъ подкупилъ двоюродныхъ братьевъ Мамедъ-Эйюбъ-хана, Абдулъ Вахабъ-хана и Абдулла-хана [сыновей Афзаль-хана], эмигрировать въ Бухару подъ предлогомъ искать покрови-тельства Бухарскаго эмира и, живя тамъ, за-няться возмущеніемъ и вооруженіемъ бухарцевъ и туркменъ противъ Россіи. Деньги на это дѣло Стюартъ обѣщалъ прислать изъ Тегерана, а подарки изъ Индіи. Но, какъ извѣстно, замы-слы англичанина не удались (см. донесенія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Персіи, кол. сов. Аргиропуло министру иностранныхъ дѣлъ отъ 18 сент. 1882 г. и донесеніе нашего коммер-ческаго агента въ Мешедѣ повѣренному въ дѣ-лахъ въ Тегеранѣ отъ 4 сент. 1882 г.).

мо Сеидъ-Назару юзъ-баши, Махдумъ Кули хану, Майлы-хану и вахмистру Маргани чтобы они такъ или иначе постарались, воспрепятствовать пріѣхать г. Стивенсу въ Мервъ.

Англичанинъ дѣйствительно по пріѣздѣ въ Серахсъ послалъ въ Мервъ письмо, спрашивая у мервцевъ разрѣшенія пріѣхать къ нимъ, хотя при свиданіи съ Марганіей Стивенсъ сказалъ, что ѣдетъ въ Меана и Чеача, два приграничныхъ съ Персіей селенія въ Тедженѣ.

Однако, несмотря на всѣ предосторожности, предпринятыя Стивенсомъ на его пути въ Мервъ, природная дикость и любовь къ грабежамъ мервцевъ нарушили всѣ планы англичанина. Въ окрестностяхъ Серахса соединенная партія мервскихъ и сарыкскихъ[51]) аламанщиковъ напали на караванъ Стивэнса, убили 9 конвойныхъ, 12 человѣкъ ранили и похитили много вьюковъ съ халатами, деньгами и проч. Англичанинъ и Мирза-Аббасъ-ханъ едва спаслись, укрывшись въ ближайшей разоренной крѣпости, а затѣмъ въ силу необходимости должны были отказаться отъ своей поѣздки въ Мервъ и остаться въ Атекѣ, т. е. въ предѣлахъ той части Туркменіи, которая болѣе всего входила въ сферу русскаго вліянія.

Основываясь на инструкціи кн. Дондукова-Корсакова какъ можно вѣжливѣе обращаться со Стивенсомъ, генералъ Розенбергъ предоставилъ путешественникамъ

---

[51]) Сарыки—тоже племя туркменъ, населяющее Пендинскій оазисъ, лежащій на границѣ Афганистана.

полную свободу поѣздокъ по Атеку, причемъ Марганіи поручено было принять на себя съ джигитами охрану особы г. Стивенса.

И хотя пребываніе послѣдняго въ туркменскихъ степяхъ было не особенно продолжительно, тѣмъ не менѣе оно не исключало возможности шпіонской противъ насъ агитаціи со стороны англичанина. М-ръ Стивенсъ щедро раздавалъ туркменамъ деньги, одаривалъ ихъ парчевыми, атласными и суконными халатами такъ щедро, что подарки русскихъ властей въ Асхабадѣ въ сравненіи съ ними были поистинѣ нищенскіе. Благопріятная-же почва для привлеченія туркменъ на сторону Англіи была въ достаточной степени подготовлена также тѣми англійскими агентами, проникшими въ Мервъ чрезъ Гератъ, о которыхъ мы упоминали выше и которые дѣятельно внушали туземцамъ полное уклоненіе отъ какого-бы то ни было подчиненія русскимъ. Конечно, влеченіе мервцевъ къ англичанамъ всецѣло основывалось на корыстныхъ побужденіяхъ, которыя при скупости русскихъ особенно рѣзко подчеркивались. Однако, за щедрость м ра Стивенса мервцы все-таки были признательны. Такъ что, когда Стивенсъ выѣхалъ изъ Атека чрезъ Келатъ въ Мешедъ, мервцы по письму его компаньона, Мирзы Аббасъ-хана, прислали ему «въ услуженіе» 25 всадниковъ.

Въ Келатѣ Стивенсъ и Мирза-Аббасъ-ханъ остановились у Бехбудъ хана, патрона О'Донована. Старикъ при нихъ сильно занемогъ и Стивенсъ, желая ока-

зать ему какую-либо помощь, далъ изъ своей аптеки какое то лекарство. Принявъ его, Бехбудъ-ханъ скончался. Пронеслась молва, что англичанинъ отравилъ правителя Келата. Народъ заволновался, и только находчивость и рѣшимость преемника Бехбудъ-хана, Иланкъ-Тушъ-хана, принявшаго публично лекарство Стивенса и оставшагося живымъ, охладило разыгравшееся народное негодованіе на англичанина и послѣдній остался живъ.

Проѣхавъ затѣмъ въ Дерегезъ, Стивенсъ намѣревался оттуда объѣхать всѣ пограничныя съ нами Курдскія ханства и просилъ намѣстника Хорасана снабдить его конвоемъ. Но Тегеранское правительство, благодаря энергичному протесту нашего представителя при шахскомъ дворѣ, строжайше предписало властямъ Хорасана отказывать англичанину въ какомъ-бы то ни было содѣйствіи[52]). И Стивенсъ вынужденъ былъ отправиться изъ Буджнурда чрезъ Себзеваръ и Нишапуръ прямо въ Тегеранъ, не занявъ, конечно, мѣсто Стюарта въ Бирджандѣ.

Тѣмъ-же временемъ, когда совершалась Одиссея мистера Стивенса, хивинскій намѣстникъ Абдуръ-Рахманъ-бай отправился изъ Мерва въ Іолъ-Отанъ къ сарыкскому хану Сары-хану, у котораго проживали четыре англійскихъ шпіона, и завелъ съ послѣдними дѣятельные переговоры. Къ чему клонились эти перего-

---

[52]) Рапортъ нач. Зак. области командующему войсками Кавказск. военнаго округа отъ 8 марта 1883 г., № 60, въ д. № 3.

воры—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, повидимому, эти переговоры были діаметрально противоположны нашимъ интересамъ, ибо преданный намъ Махдумъ-Кули ханъ, боровшійся съ происками хивинца, въ мартѣ нежданно получилъ отъ одного изъ англійскихъ агентовъ въ Іолъ-Оганѣ письмо. Писала его извѣстная впослѣдствіи таинственная личность, агитировавшая противъ насъ среди мервцевъ, нѣкій Сейидъ-Сіапушъ[53]). Сіапушъ упрекалъ въ немъ Махдумъ-Кули-хана, зачѣмъ онъ мѣшаетъ его дѣйствіямъ и отвлекаетъ народъ отъ его рѣчей, направленныхъ исключительно къ добру.

Махдумъ-Кули ханъ переслалъ оригиналъ письма, писаннаго на туркменскомъ нарѣчіи, въ Асхабадъ, гдѣ его только «приняли къ свѣдѣнію», какъ анонимъ. Въ послѣднемъ были виноваты всецѣло асхабадскіе безграмотные «перевозчики», не сумѣвшіе правильно прочитать подъ письмомъ подписи. Вслѣдъ за тѣмъ, благодаря воздѣйствію на хивинскаго хана Туркестанскаго генералъ-губернатора, генерала Черняева, былъ отозванъ въ Хиву Абдуръ Рахманъ бай, намѣстникъ Мерва. И отамышцы съ тохтамышцами прислали въ Асхабадъ коллективное заявленіе, чтобы больше въ Мервъ не присылался изъ Хивы правитель, ибо большинство народа предано Россіи. По-сколько такое заявленіе было искренно—

---

53) Сіапушъ или Сіахпушъ въ переводѣ съ персидскаго значитъ одѣтый въ черное, черноризецъ, т. е. дервишъ, монахъ. О немъ подробнѣе см. ниже.

другой вопросъ. Генералъ Рербергъ донесъ объ этомъ депешею (отъ 11 марта) кн. Дондукову Корсакову, прося исполнить просьбу мервцевъ и рекомендуя, съ своей стороны, назначить въ Мервъ отъ Россіи правителемъ неоднократно доказывавшаго намъ свою преданность Махдумъ-Кули-хана «съ небольшимъ содержаніемъ для найма конвойныхъ». Эта депеша осталась безъ отвѣта, а чрезъ нѣсколько дней (22 марта 1883 года) состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи генерала Рерберга членомъ Военнаго Совѣта и происшедшая затѣмъ нѣкоторая остановка въ нашихъ сношеніяхъ съ мервцами продолжалась до прибытія въ область (въ апрѣлѣ мѣсяцѣ) ея новаго начальника и командующаго войсками, генералъ лейтенанта А. В. Комарова, прозваннаго туземцами «юхлай-пашею» (совнымъ генераломъ).

Этнографъ, нумизматъ, археологъ и энтомологъ, скорѣе олицетворявшій типъ кабинетнаго ученаго, нежели боевого генерала, Комаровъ, тѣмъ не менѣе, своимъ добродушнымъ и веселымъ характеромъ съумѣлъ привлечь къ себѣ сердца туркменъ и послѣдніе его очень полюбили. Въ дѣлѣ сношеній съ мервцами онъ слѣдовалъ болѣе активной политикѣ, чѣмъ его предшественникъ, и потому совершившіяся при немъ событія привели хотя и къ давно ожидавшемуся, но изъ года въ годъ откладывавшемуся событію, —присоединенію къ Россіи Мервскаго оазиса. Подготовленное предшествующими разнообразными столкновеніями нашихъ интересовъ съ мервскими, это событіе

если и совершилось не вдругъ съ пріѣздомъ въ Туркменію генерала Комарова, то, во всякомъ случаѣ, его очеркъ не много займетъ мѣста.

Однимъ изъ главныхъ событій въ Мервѣ было пребываніе интриговавшихъ противъ насъ четырехъ шпіоновъ, которыхъ народная молва называла англійскими.

Таинственная личность, стоявшая во главѣ ихъ, энергично агитировавшая противъ насъ въ Мервскомъ оазисѣ и извѣстная подъ именемъ Сіапуша, до сихъ поръ невыяснена.

До появленія въ Мервѣ, Сіапушъ находился въ Персіи[54]) въ провинціи Хафъ, гдѣ старался фанатизировать народъ и за это былъ высланъ оттуда по приказанію хорасанскаго генералъ-губернатора, принца Рукнудъ Довле. Послѣ этого Сеидъ Сіапушъ нѣкоторое время скитался среди сарыковъ въ Пенде, а затѣмъ появился въ Мервѣ съ тремя своими мюридами (учениками-послѣдователями). Отсюда Сіапушъ отправилъ въ Персію съ двумя своими мюридами письма: одно на имя шаха, другое—хорасанскому правителю Рукнудъ-Довле и третье, отъ имени нѣсколькихъ туркменъ, къ бывшему правителю Герата, претенденту на афганскій престолъ, Эйюбъ-хану, проживавшему въ Мешедѣ. Въ этомъ письмѣ Эйюбъ-ханъ приглашался въ Мервъ править туркменами.

---

[54]) Приводимыя свѣдѣнія взяты изъ отзыва нашего посланника въ Персіи на имя начальника штаба Закаспійской области отъ 24 октября 1883 года, № 555 (въ дѣлѣ № 3/83, 1885 г.).

При письмахъ шаху и Рукнудъ-Довле препровождались въ подарокъ четыре великолѣпныхъ коня. Но въ Тегеранѣ на письмо Сіапуша не обратили никакого вниманія и поручили принцу Рукнудъ-Довле отправить посланцевъ Сіапуша обратно въ Мервъ и не принимать отъ нихъ лошадей. Вмѣстѣ съ этимъ Сейидъ Сіапушъ написалъ также воззваніе къ народу въ Мешедѣ, въ которомъ просилъ объ оказаніи ему помощи въ борьбѣ съ невѣрными, причемъ выдавалъ себя за послѣдняго имама Мехди, долженствующаго, по вѣрованіямъ шіитовъ, придти въ міръ предъ погибелью всѣхъ христіанъ и язычниковъ и водворевіемъ на землѣ всеблаженнаго царства мусульманъ шіитовъ. Это воззваніе произвело нѣкоторое впечатлѣніе на мешедскихъ гражданъ, изъ которыхъ многіе стали вѣрить, что Сейидъ Сіапушъ есть ожидаемый имамъ Мехди. Однако, большинство персіанъ не повѣрило воззванію и посмѣялось надъ тѣмъ персидскимъ языкомъ, какимъ было написано воззваніе Сіапуша[55]).

По этому сочли послѣдняго за шарлатана и за тайнаго англійскаго агента, подосланнаго въ Мервъ для возбужденія туркменъ противъ русскихъ. При этомъ какъ персіане, такъ и наши дипломаты въ

[55]) Письмо генер. Комарову отъ 14 окт. 1883 г., № 403, нашего коммерческаго агента въ Мешедѣ Насырбекова (въ дѣлѣ № 100 1883—84 г. стр. 100). Необходимо замѣтить, что всѣ письма Сейида Сіапуша, находящіяся въ дѣлахъ бывшаго гражданскаго отдѣленія штаба войскъ Закаспійской области, писаны на томъ нарѣчіи персидскаго языка, которымъ говорятъ въ Индіи и Афганистанѣ и которое имѣетъ много отличія отъ литературнаго персидскаго языка.

Персіи считали Сіапуша съ его приверженцами лишь орудіемъ замысловъ Англіи, олицетворявшихся въ умномъ и талантливомъ полковникѣ Стюартѣ, находившемся въ то время въ Хафѣ и Мохсинъ-Абадѣ.

Да можетъ быть такъ оно и было, ибо, судя по разсказамъ самихъ туркменъ, Сіапушъ и его мюриды, объѣзжая кочевья мервскихъ племенъ, успѣли за это время переговорить со всѣми вліятельными и почетными лицами мервцевъ; однимъ изъ нихъ они разсказывали, что они бѣдные простые путешественники-дервиши, другимъ себя выдавали за афганцевъ, третьимъ таинственно намекали, что недалеко то время, когда придетъ къ нимъ мусульманскій владыка и освободитъ ихъ отъ всякихъ посягательствъ невѣрныхъ, а четвертымъ прямо заявляли, что они агенты англійскаго правительства.

Мать Юсуфъ-хана, извѣстная Гюль-Джемаль-бай, разсказывала каахкинскому старшинѣ Аба-Онъ-Бэги, что во время пребыванія у нея Сіапушъ и его товарищи обнадеживали ея сына Юсуфъ-хана различными милостями и наградами англичанъ, причемъ высказывали сожалѣніе, что Юсуфъ-ханъ такъ молодъ и неопытенъ.

— Будь онъ года на два постарше, онъ непремѣнно получилъ-бы должность главнаго начальника надъ всѣмъ мервскимъ народомъ,—говорили они[56]).

---

[56]) Заявленіе старшины Аба-Онъ-Беги отъ 24 марта 1883 года (въ дѣлѣ № 3 1883—85 годовъ, стр. 76).

По просьбѣ Сіапуша нѣкто Каджаръ-ханъ изъ племени Огамышъ, рода Бахши-Топазъ, нанялъ для него 60 всадниковъ съ жалованьемъ по 100 кранов (40 рублей) по тогдашнему курсу каждому въ мѣсяцъ; однако, чрезъ нѣсколько времени, не получая обѣщаннаго вознагражденія, эти всадники покинули Сіапуша и послѣдній въ апрѣлѣ 1883 года перебрался опять въ Іолъ-Оганъ. Тамъ по его просьбѣ Сары-ханъ нанялъ ему 40 конныхъ слугъ, но черезъ нѣсколько времени, за неплатежъ денегъ этимъ верховымъ Сары-ханъ, схватилъ Сіапуша и его товарищей и заковалъ въ цѣпи. Однако, въ скоромъ времени какой то неизвѣстный чужестранецъ выкупилъ Сіапуша, заплативъ Сары-хану за него и его товарищей 120 томановъ (около 480 рублей по тогдашнему курсу). Послѣ этого, проживая среди сарыковъ, Сіапушъ велъ среди туркменъ, по единодушному признанію послѣднихъ, усиленную пропаганду идеи самостоятельности и независимости Туркменіи, разрѣшая и одобряя ихъ обычные грабежи и набѣги. При этомъ обѣщался доставить имъ оруді и ружья, заряжающіяся съ казенной части[57]).

Во всякомъ случаѣ относительно истиннаго происхожденія Сіапуша и его видовъ никто ничего не могъ сказать опредѣленнаго. Махдумъ-Кули-ханъ считалъ его туркомъ османлы, нашъ коммерческій

---

[57]) Рапортъ нашего агента министерства иностранныхъ дѣлъ въ Дерегезѣ и Келатѣ Ахмеда-Аги-Эфендіева начальнику области отъ 20 ноября 1883 года, № 47 (въ дѣлѣ № 100, 1883—84 годовъ).

агентъ въ Мешедѣ Насирбековъ видѣлъ въ Сіапушѣ настоящаго англичанина, необыкновенно способнаго воплощаться въ тѣхъ или другихъ представителей восточныхъ національностей, Алихановъ, повидимому, склоненъ былъ думать, что это афганецъ[58]), а асхабадскія власти называли его въ своихъ бумагахъ индійцемъ.

Замѣчательно красивый брюнетъ, въ возрастѣ отъ 28 до 33 лѣтъ, съ матово-блѣднымъ лицомъ, съ большими выразительно задумчивыми глазами, съ небольшой бородкой и съ длинными, распущенными по плечамъ волосами,—Сіапушъ производилъ на окружающихъ его лицъ, повидимому, неотразимое впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливалось тѣми рѣчами и посланіями таинственнаго смысла, которыя такъ любила распространять эта загадочная личность.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ писемъ Сіапуша въ Асхабадъ къ вахмистру туркменской милиціи Марганіи[59]), пользовавшемуся среди туземцевъ большою популярностью. Это письмо можетъ также служить образцомъ всѣхъ писемъ Сіапуша въ Асхабадъ, писавшихся и на имя начальника области, и начальнику штаба, и другимъ начальствующимъ лицамъ:

«Во имя Господа милостиваго и милосердаго. Слава Всевышнему Богу, Создателю міровъ, и хвала всѣмъ пророкамъ! Извѣстное непоколебимостью исполненія

---

[58]) См. его „Закаспійскія воспоминанія". 1881—1885 г. Октябрьская книжка *Вѣстника Европы* за 1904 годъ, стр. 455.

[59]) Ibidem.

своихъ обѣщаній русское правительство, а особенно асхабадское начальство и князь Мергень [60]), да будутъ вѣчно хранимы Всемогущимъ Богомъ на пути правосудія и непреложныхъ обѣщаній. Аминь».

Да будетъ извѣстно, что мы пришли въ предѣлы Мервскаго оазиса и нѣсколько времени уже живемъ въ Іолъ-Оганѣ. Жители этой страны—дикіе сыны степей и сначала серьезно полагали, что русское правительство относится къ нимъ нетерпимо и питаетъ вражду къ нашей религіи, почему и рѣшили или воевать съ русскими, или выселиться куда-либо въ другое мѣсто. Но съ тѣхъ поръ, какъ увидали меня и узнали изъ разговоровъ со мною, что я—ихъ единовѣрецъ, много путешествовавшій по свѣту и относящійся съ участіемъ къ народу, рѣшили между собою оставить меня въ своей средѣ, ибо надѣются, что получатъ отъ меня какой-либо полезный совѣтъ. И я остался среди сарыковъ на Іолъ Оганѣ, и они спросили моего совѣта, что имъ дѣлать: переселяться-ли куда-либо, или же воевать? Я сначала уклонился отъ какого-бы то ни было отвѣта, но, въ концѣ концовъ, эти дѣти степей, употребивъ нехорошее средство, вынудили меня отвѣтить имъ. И я сказалъ то, что мнѣ внушала религія: «притязанія правительства распространяются на правосудіе и справедливость, а не на религію. И если вы будете жить по справедливости и остави-

[60]) Малахія Квадживичъ Марганія, нынѣ полковникъ и командиръ Верхне-Удинскаго казачьяго полка, извѣстный у туркменъ всей области подъ именемъ „князя Мергеня“ (охотника).

те свои дикія наклонности къ разбоямъ и грабежамъ, то отъ правительства, кромѣ милости, ничего не увидите».

Да, дики эти люди, и если отъ васъ пришлется бумага на имя всѣхъ жителей страны, обѣщайте имъ, что не будетъ посягательства на ихъ религію и что требованія вашего правительства клонятся только къ ихъ подчиненію и успокоенію. Относитесь нѣкоторое время къ нимъ снисходительно, дабы постепенно привыкли они къ справедливой жизни; я-же буду, съ своей стороны, по мѣрѣ возможности стараться смягчать ихъ нравы и надѣюсь, что достигну этого. Въ противномъ случаѣ, оставаясь дикарями, пропадутъ окончательно.

Привѣтъ тому лицу, которое идетъ путемъ правды!»[61]).

Каждое изъ писемъ Сіапуша снабжалось печатями: «Рабъ Господенъ—Сіапушъ» и начерганнымъ кругомъ, внѣ котораго и въ центрѣ была арабская надпись: «Господь Богъ есть великій помощникъ! Этотъ міръ есть пашня будущаго міра, а люди, живущіе въ семъ мірѣ, суть пахари добра или зла. Кто поможетъ дѣламъ справедливымъ, тому поможетъ и Богъ.

Я надѣюсь быть пахаремъ добра. Мансуръ».

Словомъ, и персіанъ, и русскихъ Сіапушъ старался убѣдить, что онъ—человѣкъ не отъ міра сего, посланный съ миссіею, не имѣющей ничего общаго съ интересами земными.

---

[61]) Оригиналъ этого письма, переданнаго мною въ нѣсколько вольномъ переводѣ, находится въ дѣлѣ № 1 1881—83 г., стр. 509.

Великолѣпенъ его діалогъ съ Алихановымъ, приведенный послѣднимъ въ его «Закаспійскихъ воспоминаніяхъ»[62]).

— Кто ты, какъ тебя зовутъ, какой ты національности?

— Я—созданіе Бога; зовутъ—человѣкомъ; моя нація—человѣчество.

— Изъ какой ты страны, гдѣ родился, сколько тебѣ лѣтъ?

— Я изъ той страны, куда назначенъ Богомъ. Родился тамъ-же. Лѣтъ мнѣ столько, сколько нужно для прославленія Бога.

— Съ какою цѣлью ты явился среди туркменъ?

— Цѣль извѣстна одному Богу. Я—не разсуждающій исполнитель его воли...

Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая вопроса о томъ, кто такой былъ Сеидъ Сіапушъ, можно только съ большею или меньшею вѣроятностью предположить, что едва-ли онъ былъ мусульманиномъ; почеркъ его собственноручныхъ писемъ и воззваній, находящихся въ асхабадскихъ архивахъ, изобличаетъ въ Сіапушѣ скорѣе человѣка, которому арабская азбука не была знакома съ дѣтства. Такимъ неувѣреннымъ и неустойчивымъ почеркомъ истые мусульмане не пишутъ[63]). О цѣляхъ-же его миссіи возможны различныя предположенія. Асхабадскія власти утверждали, напримѣръ, что Сіапушъ дѣйствовалъ въ пользу Эйюбъ-хана (двоюроднаго брата афганскаго эмира

[62]) *Вѣстникъ Европы*, X кн. за 1904 г., стр. 455.

[63]) Непонятно, почему Алихановъ говоритъ въ своихъ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ", что Сіапушъ писалъ на персидскомъ и туркменскомъ языкахъ „изящнымъ почеркомъ".

Абдуръ Рахманъ-хана) считавшаго себя обладателемъ болѣе законныхъ правъ на афганскій престолъ, чѣмъ его братъ. Съ помощью туркменъ Сіапушъ хотѣлъ, будто-бы, вернуть Эйюбъ-хану Сѣверный Афганистанъ. Но это можно оспаривать.

Возможны, по нашему мнѣнію, два предположенія: или это былъ англійскій шпіонъ, дѣйствовавшій въ пользу Эйюбъ-хана, котораго, быть можетъ, англичане желали видѣть правителемъ Мерва, а, слѣдовательно, и соперникомъ не особенно въ то время долюбливаемаго ими Абдуръ-Рахманъ-хана. Divide et impera! А быть можетъ въ лицѣ Сіапуша дѣйствовалъ (сначала въ Персіи, выдавая себя за шіита, а потомъ въ Туркменіи, называя себя суннитомъ) одинъ изъ представителей тѣхъ многочисленныхъ на востокѣ,—особенно въ Индіи,—религіозныхъ теософскихъ сектъ, которыя ставятъ своей задачей освобожденіе человѣчества не только отъ власти страстей, но и отъ порабощенія его отдѣльными лицами...

Вскорѣ по пріѣздѣ генерала Комарова въ область, именно въ маѣ мѣсяцѣ (1883 года), въ Мервъ прибылъ совершенно никѣмъ не ожидавшійся новый намѣстникъ Хивинскаго хана, нѣкій Баба Джанъ-Бекъ; онъ привезъ съ собой изъ Хивы и правителя для сарыковъ, нѣкоего Муса-хана. Съ ними, конечно, вернулся и Кара Кули-ханъ, вѣрный и преданный доброхотъ Хивы. А такъ какъ многіе мервскіе ханы выѣхали въ это время въ Москву на коронацію Императора Александра III, то Кара-Кули ханъ и хивинецъ не разсчитывали встрѣтить како-

го-либо противодѣйствія въ своихъ замыслахъ относительно мервцевъ. И странно при этомъ было, что хивинскіе ставленники были присланы ханомъ съ согласія и одобренія Туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ - лейтенанта Черняева, который въ бытность свою въ Петро-александровскѣ и рѣшилъ съ ханомъ вопросъ о посылкѣ Баба-Джанъ-Бека съ товарищемъ въ Мервъ. Дѣйствовалъ ли генералъ Черняевъ вопреки просьбы князя Дондукова Корсакова по собственной иниціативѣ, или-же руководствовался какими-либо инструкціями «легкомысленнаго» Петербурга,— мудрено сказать. Создавалось во всякомъ случаѣ необычайно странное положеніе,— съ одной стороны Мервомъ должна была «правити и володѣти» Хива, а съ другой ни для кого не было тайной, что русское правительство чрезъ асхабадскихъ властей старалось такъ или иначе подчинить себѣ мервцевъ.

И генералъ Комаровъ, конечно, былъ въ правѣ энергично протестовать противъ присылки въ Мервъ изъ Хивы правителей.

...«Ваше сіятельство, писалъ онъ 2 іюня 1883 года князю Дондукову-Корсакову[64]), еще въ прошломъ году признавали такія назначенія не соотвѣтствующими видамъ правительства и просили министра иностранныхъ дѣлъ не допускать Хивинскаго хана до подобныхъ дѣйствій, и тогда-же по сношенію генералъ-лейтенанта Черняева съ Хивинскимъ ханомъ ханъ[65])

64. Его рапортъ на лист. 346—347 въ дѣлѣ № 1.
65) Т. е. Баба-Джанъ-Бекъ.

изъ Мерва былъ отозванъ. Не имѣя никакихъ приказаній о томъ, что это распоряженіе отмѣнено, я, въ свою очередь, поставленъ въ сильное недоумѣніе назначеніемъ хана опять изъ Хивы. Очевидно, что при такомъ порядкѣ мервцы имѣютъ полную возможность уклоняться отъ моихъ требованій по исполненію извѣстныхъ вамъ условій, заключенныхъ ими съ генераломъ Рербергомъ и я, въ свою очередь, не въ состояніи направлять сношенія съ Мервомъ къ извѣстной и опредѣленной цѣли, и даже опасаюсь предъявлять мервскому хану[66]) и старшинамъ какія-либо требованія, (ибо) имѣю основанія разсчитывать, что требованія эти останутся не исполненными подъ предлогомъ противорѣчія приказаніямъ Хивинскаго хана. Это можетъ поставить меня въ крайне затруднительное положеніе и уронить значеніе нашего вліянія не только на Мервъ, но и на Теджент, Атекъ и даже Ахалъ Теке.

Представляя обстоятельства эти на благоусмотрѣніе вашего сіятельства, покорнѣйше прошу снабдить меня положительными указаніями относительно дальнѣйшихъ сношеній съ Мервомъ»...

Между тѣмъ хивинскій ставленникъ Баба-Джанъ Бекъ одаривалъ мервцевъ направо и налѣво и чрезъ Кара-Кули-хана склонялъ ихъ къ покорности Хивѣ. На собравшемся совѣтѣ представителей мервскихъ племенъ на поставленный Баба Джанъ Беку вопросъ, что онъ предполагаетъ дѣлать въ Мервѣ, хивинецъ отвѣчалъ: «я—вашъ правитель и буду

[66]) Онъ-же.

брать съ васъ «ушуръ», «закятъ» и «пачъ».[67]) Народъ, особенно бѣдняки, запротестовали. «Мы, говорили они, заключили съ русскими договоръ и намъ обѣщано не взыскивать съ насъ никакихъ налоговъ и не назначать намъ никакого правителя. Мы искони были независимыми племенами».

И сбитые съ толку мервцы принялись писать въ Асхабадъ пространныя и страстныя посланія, гдѣ помимо свѣдѣній объ интригахъ Кара-Кули хана и происках хивинскаго ставленника ставили вопросъ ребромъ, кого-же имъ въ самомъ дѣлѣ слушать—Баба Джанъ-Бека или русское правительство?

А тутъ, какъ на грѣхъ, ханы племенъ отсутствовали, находясь въ Москвѣ на коронаціи, и потому предоставленные самимъ себѣ мервцы окончательно потеряли голову и все настойчивѣе заявляли въ Асхабадъ, что хивинцы имъ не надо и что кромѣ Господа Бога и Бѣлаго Царя они никого знать не хотятъ.

Въ Асхабадѣ, разумѣется, читая такія заявленія, только разводили руками съ видомъ крайней безпомощности, ибо и сами-то рѣшительно не знали, что отвѣтить. Тифлисъ-же и Петербургъ, несмотря на запросы генерала Комарова, хранили гробовое молчаніе.

---

[67]) Оригиналь письма на туркменскомъ нарѣчіи на стр. 388 въ дѣлѣ № 1. У ш у р ъ—1/10 часть урожая, взимаемая правительствомъ, з а к я т ъ—опредѣленная часть съ имущества, взимаемая на потребности духовенства, и п а ч ъ или б а д ж ъ—пошлина съ товаровъ, поступающая въ правительственный бюджетъ.

Во всякомъ случаѣ мервцамъ рекомендовалось «держать себя осторожно съ Баба Джанъ-Бэкомъ», ибо теперь до возвращенія депутаціи отъ мервскаго народа съ коронаціи ничего опредѣленнаго сказать нельзя, а вотъ когда ханы на пути изъ Москвы заѣдутъ въ Асхабадъ, имъ дадутся соотвѣтствующія указанія (sic!)[68].

Наконецъ, во второй половинѣ іюня изъ Петербурга генераломъ Комаровымъ была получена депеша, вызывавшая его къ 1 августа въ Петербургъ по мервскимъ дѣламъ. А дѣла эти, надо отдать справедливость, грозили самыми непредвидѣнными осложненіями, благодаря обычнымъ проволочкамъ и нерѣшительности съ нашей стороны.

И когда генералъ Комаровъ выѣхалъ въ Петербургъ, неурядицы и смуты въ Мервѣ приняли острый характеръ. Вернувшіеся изъ Москвы мервскіе ханы и старшины, возмущенные прибытіемъ хивинскаго намѣстника, а, главное, происками Кара-Кули-хана, съумѣли повліять на племя Тохтамышъ такъ, что оно стало относиться враждебно къ Кара Кули-хану и послѣдній пользовался вліяніемъ лишь среди небольшого круга своихъ родственниковъ. Такъ что на всякій случай послалъ въ подарокъ правителю Герата двухъ прекрасныхъ скакуновъ, чтобы при случаѣ найти у афганцевъ пріютъ и гостепріимство.

---

[68], Письмо начальника области мервскому народу отъ 8 іюня 1883, г. № 1883 въ дѣлѣ № 1, листъ 352.

Но Баба - Джанъ - Бекъ, вѣроятно, чтобы сохранить свое вліяніе, какъ правителя, распустилъ нелѣпый слухъ, будто со стороны Бѣлаго Царя послѣдовало повелѣніе о пожалованіи Хивинскому хану Ахала и Мерва и что Сейидъ-Мухаммедъ-Рахимъ Бахадуръ-ханъ вмѣстѣ съ Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ пріѣдутъ скоро въ Асхабадъ. Въ виду этого Баба-Джанъ бекъ просилъ хановъ и старшинъ теперь-же признать его правителемъ Мерва, иначе-де худо будетъ. Но ханы и старшины отвѣтили, что безъ вѣдома асхабадскаго начальства они этого сдѣлать не могутъ[69]). Вскорѣ племена и роды мервцевъ облетѣлъ другой слухъ, пожалуй, болѣе нелѣпый, чѣмъ первый, и авторомъ котораго являлся опять таки хивинскій намѣстникъ. Именно, по словамъ послѣдняго, русскіе изъ Асхабада готовятся занять Серахсъ, Теджень и Мервъ и что для противодѣйствія нашествію на Мервъ онъ вызоветъ туркестанскія русскія войска[70]). И при вѣсти объ этомъ всѣ племена и роды заволновались, кочевья и аулы были въ страшномъ смятеньи. Среди хановъ и старшинъ произошли раздоры. Не имѣя никакихъ положительныхъ извѣщеній изъ Асхабада, часть ихъ хотѣла присоединиться къ персіанамъ, дру-

---

[69]) Перев. письма Мамедъ-Юсуфъ-хана начальнику Закаспійской области, полученный въ Асхабадѣ 7 сентября 1883 года (въ дѣлѣ № 100 стр. 33).

[70]) Депеша начальника областного штаба, генералъ-маіора Мейера въ Петербургъ генералу Комарову отъ 10 сентября 1883 года (въ дѣлѣ № 100, стр. 41).

гіе-же рѣшались повиноваться Баба-Джанъ-беку и признать себя подданными Хивинскаго хана. И только молодой ханъ векильскаго племени, Мамедъ-Юсуфъ-ханъ, заступившій мѣсто Махдумъ-Кули-хана[71]) руководимый своей матерью, дальновидною Гюль-Джемаль, оставался вѣренъ русскому правительству.

Среди сарыковъ, въ Іолъ-Оганѣ и Пенде, также шли смуты и волненія подъ вліяніемъ агитація Сіапуша, причемъ, его агенты выдѣлывали въ большомъ количествѣ серебряную бухарскую, хивинскую и персидскую монету, распространяя ее среди населенія.

Пользуясь смутами и неурядицами, безпокойные и ненадежные элементы мерцевъ, группировавшіеся вокругъ Кара-Кули-хана, мигомъ вспомнили былыя времена лихихъ аламановъ и вооруженные и конные устремились на Персію, Теджевъ, Атекъ, Бухару, Хиву и оазисы сарыковъ, Іолъ Оганъ и Пенде.

Начались грабежи, убійства, захватъ въ плѣнъ, нападенія на караваны, на мирныхъ жителей не только другихъ племенъ, но и на своихъ одноплеменниковъ.

Степи заволновались отъ неурядицъ; анархія разливалась все шире и шире; благонамѣренные элементы, не сплоченные, разъединенные, ничего не могли подѣлать съ зарвавшимися головорѣзами. Сосѣди также не хотѣли оставаться въ

[71]) Махдумъ-Кули-ханъ, произведенный въ коронацію въ чинъ маіора милиціи, проживалъ въ Ахалѣ на своихъ земляхъ и, получая денежную поддержку отъ администраціи, поддерживалъ съ Мервомъ сношенія, дѣйствуя въ нашу пользу.

долгу. Сарыки принялись грабить мервцевъ и на границахъ Гюлъ-Огана и Пенде происходили ожесточенныя схватки. Населеніе Теджена и Атека взывало въ Асхабадъ о помощи. «Объявите категорически Мервскимъ старшинамъ,—сообщалъ депешей изъ Петербурга генералъ Комаровъ[72]) своему временному замѣстителю въ Асхабадѣ, начальнику областного штаба, генералу Мейеру, на его донесеніе о всемъ происходящемъ что они обязаны слушать только Асхабадское начальство. Въ Каака разрѣшено послать небольшой отрядъ: роту пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, артиллерію отнюдь не посылать. Не ходить близко къ Серахсу».

Отрядъ выступилъ въ Атекъ 15 сентября, причемъ пѣхота дошла только до Баба-Дурмаза, а конница сдѣлала рекогносцировку до селенія Чача (въ Теджинскомъ оазисѣ). Конечно, такія дѣйствія отряда не дали никакихъ положительныхъ результатовъ и едва отрядъ вернулся въ Асхабадъ, какъ 600 человѣкъ мервцевъ напали на персидскіе предѣлы, именно на Келатъ, угнали 14000 барановъ и 1000 головъ рогатаго скота, ограбили, убили и взяли въ плѣнъ многихъ жителей.

Въ этомъ аламанѣ принимали участіе[73]) представители всѣхъ Мервскихъ племенъ, за исключеніемъ векильцевъ, у которыхъ ханомъ былъ Мамедъ-Юсуфъ-

---

[72]) Отъ 11 сент. 1883 г., № 65212; въ дѣлѣ № 100, стр. 42.

[73]) Рапортъ вр. и. об. нач. области, генерала Мейера, отъ 20 октября 1883 г., № 9029, на имя командующаго войсками кавказской арміи.

ханъ. Возмущенные персіане собрались жестоко наказать хищниковъ и принцъ Рукнудъ Доуле, намѣстникъ Хоросана, выступилъ со своими войсками въ Келатъ, чтобы оказывать оттуда давленіе на мервцевъ военною силою, препятствуя ихъ дальнѣйшимъ грабежамъ персидскихъ предѣловъ. Къ войскамъ Рукнудъ-Доуле должны были присоединиться и отряды пограничныхъ Курдскихъ ханствъ. Молодой правитель Келата, Илангъ-Тушъ ханъ, отвѣтственный за пропускъ Мервскихъ аламанщиковъ чрезъ свое ханство, бѣжалъ изъ Келата[74]).

На мервцевъ собиралась гроза, но такъ какъ Келатъ граничилъ съ Атекомъ, то жители Атека и Теджена настойчиво просили Асхабадъ защитить ихъ отъ могущихъ быть насилій со стороны персіанъ. Думали было, поэтому, воздѣйствовать на мервцевъ путемъ увѣщаній и письменныхъ сношеній, уговаривая ихъ вернуть награбленное. И пока шла переписка между Асхабадомъ и черезъ нашу миссію въ Тегеранѣ съ шахскимъ правительствомъ, и персіане поэтому не предпринимали активныхъ дѣйствій,— мервцы, узнавъ о замыслахъ противъ нихъ Рукнудъ-Доуле, страшно возмутились. И въ ихъ горячихъ головахъ, повидимому, уже рисовался призракъ грандіозной побѣды надъ своими исконными врагами. 7.000 мервцевъ уже собрались выступить въ Персію и начать погромъ; другіе устремились на сѣверъ и кони

---

[74]) Рапортъ начальнику области россійскаго агента въ Кочанѣ и Буджнурдѣ отъ 1 ноября 1883 года, № 189.

аламанщиковъ появились даже за Аму-Дарьей, въ Бухарскихъ предѣлахъ. Начались частичные грабежи Тедженскихъ и Атекскихъ туркменъ. Даже среди враждебно настроенныхъ къ мервцамъ сарыковъ замѣчалось сильное волненіе противъ персіанъ, грозившее перейти въ полную солидарность сарыковъ съ мервцами. А тутъ еще какъ на грѣхъ Хивинскій намѣстникъ распространилъ среди Мервскихъ племенъ ярлыкъ своего повелителя, въ которомъ ханъ требовалъ, чтобы мервцы подчинялись только ему одному[75]).

Взрывъ негодованія былъ неописуемый и безпокойные племена грозили потокомъ разлиться по приграничнымъ съ ихъ оазисомъ мѣстностямъ и создать, такимъ образомъ, полную неурядицу въ недавно умиротворенной нами Туркменіи.

И генералъ Комаровъ, вернувшійся въ область въ половинѣ ноября, энергично настаивалъ въ виду такой смуты въ Мервѣ послать въ Атекъ отрядъ войскъ и отозвать изъ Мерва Баба-Джанъ бека. О посылкѣ войскъ, между прочимъ, просилъ нашего посланника въ Тегеранѣ и шахъ, ибо надѣялся, что при посредствѣ нашего вождѣйствія мервцы возвратятъ жителямъ Келата награбленное имущество и плѣнныхъ. На этотъ разъ и кн. Довдуковъ-Корсаковъ, и военное министерство, и министерство иностранныхъ дѣлъ оказались солидарны и генералу Комарову было разрѣшено послать въ

---

[75]) Телеграмма генерала Комарова кн. Довдукову-Корсакову отъ 18 ноября.

Атекъ «устрашительную» экспедицію[76]).

Отрядъ былъ сформированъ въ Асхабадѣ изъ 2 ротъ 3 Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, 2 ротъ 6 стрѣлковаго баталіона, 4 горныхъ орудій 6 батареи 21 артиллерійской, Его Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, бригады, 2 сотенъ Таманскаго коннаго казачьяго полка и 20 человѣкъ изъ Ахалъ текинской милиціи. Начальникомъ отряда былъ назначенъ командиръ Таманскаго казачьяго полка, полковникъ Муратовъ, «извѣстный своею энергіей и точнымъ исполненіемъ даваемыхъ ему указаній», какъ аттестовалъ его генералъ Комаровъ[77]).

Въ виду неизбѣжной проволочки въ сношеніяхъ съ Тифлисомъ, Тегераномъ и Петербургомъ, отряду удалось выступить изъ Асхабада только въ декабрѣ. Полковнику Муратову особой инструкціей было вмѣнено въ обязанность требовать отъ мервцевъ выдачи плѣнныхъ персіанъ, возврата награбленнаго въ послѣднихъ аламанахъ и наказанія аламанщиковъ. Переходъ войскъ за рѣку Теджень былъ строжайше воспрещенъ.

Свой личный и непосредственный взглядъ на положеніе дѣлъ генералу Комарову удалось передать мервцамъ совершенно случайно, но за то въ самый важ-

---

[76]) Шифрованная депеша генер. Комарову начальника штаба комавдующаго войсками Кавк. военнаго округа, полученная 17 ноября 1883 г (въ дѣлѣ № 100, стр. 148).

[77]) Его рапортъ кн. Дондукову-Корсакову 7 февраля 1884 года, № 917 (дѣло № 191, 1884 года, стр. 11). По нему, главнымъ образомъ, и изложена исторія дальнѣйшихъ событій.

ный моментъ. При сформированіи отряда въ Асхабадѣ одновременно съѣхались довѣренныя лица съ порученіями отъ намѣстника Хоросана, принца Рукнудт-Доуле и отъ мервцевъ, съ просьбою довволить имъ построить новую плотину на рѣкѣ Тедженѣ, чтобы поселить тамъ безземельныхъ. Зная, что генералъ Комаровъ ведетъ съ персіанами переговоры и что на Персидской границѣ собраны войска, мервцы подумали, что составляется союзъ для наказанія ихъ за аламаны и выказали генералу Комарову свой страхъ за послѣдствія такого соглашенія между русскими и персіанами. Генералъ не, сталъ ихъ разувѣрять въ ихъ опасеніяхъ, а только замѣтилъ, что единственное спасеніе мервцевъ заключается въ точномъ и быстромъ исполненіи требованій русскаго правительства. Въ этомъ смыслѣ былъ также данъ отвѣтъ и ханамъ родовъ Векиль и Бахши, обратившимся къ начальнику области съ вопросомъ, что имъ дѣлать, если на нихъ нападутъ персіане?

По прибытіи съ отрядомъ на Кары-Бендъ Муратовъ для передачи мервцамъ требованій генерала Комарова отправилъ (22 декабря) въ Мервъ штабсъ-ротмистра Алиханова и добровольно вызвавшагося ѣхать съ нимъ маіора Махдумъ Кули-хана. Ихъ сопровождало 25 казаковъ таквцевъ и 12 милиціонеровъ.

Въ первые два дня своего пути Алихановъ и Махдумъ-Кули ханъ встрѣтили хановъ: рода Векиль, Мамедъ Юсуфъ Хана, рода Бахши, Сары-Батыря, главу по-

чти всего рода Бека, Мурадъ Бая[78]) и рода Сычмазъ, Майлы-хана. Оказалось, что ханы ѣхали въ отрядѣ Муратова засвидѣтельствовать о своей преданности, потому что въ Мервѣ уже знали о походѣ русскихъ.

Алихановъ уговорилъ хановъ присоединиться къ нему, чтобы облегчить чрезъ нихъ исполненіе возложеннаго на него порученія. По пріѣздѣ въ Мервъ остановились у Майлы хана. Окрестные мервцы стеклись толпами, чтобы узнать о цѣли выступленія изъ Асхабада Русскаго отряда и пріѣзда въ Мервъ Алиханова и Махдумъ-Кули хана.

Алихановъ, видя сборище, рѣшился прямо поставить вопросъ: хотятъ ли мервцы покровительства Россіи или не прочь отъ разрыва съ нею? При этомъ Алихановъ какъ предъ ханами, такъ и предъ народомъ развилъ слѣдующія положенія: Русское правительство не можетъ болѣе равнодушно смотрѣть на разбои мервцевъ и на нарушеніе ими условій, подтвержденныхъ присягою. Теперь прошелъ уже для Мерва предварительный періодъ увѣщаній и добрыхъ словъ, непослушаніе которымъ привело Хиву и Ахалъ къ паденію. То-же, вѣроятно, будетъ и съ Мервомъ. Но прежде чѣмъ приступить къ расправѣ, Русское начальство въ Асхабадѣ послало меня къ мервскому народу съ послѣднимъ словомъ. Передать это слово удобнѣе всего одновре-

---

[78]) Родъ Векъ, недовольный Кара-Кули-ханомъ за приведеніе въ Мервь Хивинскаго намѣстника, почти весь отказался признавать ханомъ Кара-Кули-хана.

менно всему народу, собравъ его въ одно мѣсто. Послѣ чего я обращусь къ благоразумію мервцемъ и потребую категорическаго отвѣта: открытая вражда или исполненіе русскихъ требованій, ограничивающихся на первый разъ выдачею плѣнныхъ и награбленнаго въ Персіи? Послѣ того, какъ старшины и ханы принимали присягу прекратить аламаны, Русскіе требуютъ лишь спокойствія и мира и Русскій императоръ не можетъ терпѣть въ сосѣдствѣ съ собою разбойничьяго гнѣзда, гдѣ грабежи, разбои и торговля людьми составляютъ обычныя явленія.

Отнынѣ никакія заявленія о добрыхъ чувствахъ, съ оговоркою о безсиліи искоренить зло, не будутъ приняты. Пусть Мервскій народъ лучше приметъ Русскаго правителя, чѣмъ хивинца, подобнаго Б.ба Джанъ-беку.

Прежде чѣмъ созывать народъ, Алихановъ просилъ хановъ обстоятельно поговорить со старшинами и подготовить ихъ сдѣлать полезное для мервцевъ.

Изъ отвѣтовъ хановъ Алиханову наиболѣе характерна была рѣчь Майлыхана. Онъ подробно остановился на мѣстныхъ интригахъ и смутахъ и на притязаніяхъ Хивы, Англіи и Афганистана владѣть Мервомъ. Агенты этихъ государствъ волнуютъ народъ и враждебно настраиваютъ его къ русскимъ. Мервъ въ этомъ отношеніи похожъ на дѣвушку, руки которой ищутъ съ пяти—шести сторонъ; за кого выйдетъ невѣста—неизвѣстно.

По глубокому-же убѣжденію Майлы-

хана спасеніе мервцевъ въ согласіи съ русскими.

Во время пребыванія у Майлы-хана Алиханова къ послѣднему явился съ поклономъ и весьма чтимый мервцами Молла-Кары-ишанъ. Зная его значеніе въ народѣ, Алихановъ убѣдительно просилъ этого прелата «направлять людей къ добру». Изъ остальныхъ хановъ Сары-Батырь настаивалъ на удаленіи изъ Мерва Кара Кули-хана.

—Возьмите его,—и мервцы, какъ одинъ человѣкъ, падутъ къ ногамъ русскихъ. Послѣ того не трудно переловить и агентовъ Сіапуша.

Пріемъ у Кара-Кули-хана ханамъ показался весьма обиднымъ, такъ какъ онъ и Баба-Джанъ-бекъ встрѣтили ихъ и Алиханова только у входа въ кибитку. Здѣсь, въ бесѣдѣ съ хозяевами, Алихановъ обратилъ вниманіе Кара Кули хана на послѣдствія его интригъ противъ русскихъ, въ результатѣ чего было отстраненіе отъ него его единоплеменниковъ; Баба-Джанъ-беку Алихановъ далъ совѣтъ покинуть Мервъ добровольно.

Какъ и слѣдовало ожидать, ни Кара-Кули ханъ, ни хивинецъ не обратили на слова гостя никакого вниманія. Первый отнесся весьма саркастически къ ожиданію хорошихъ результатовъ отъ созыва народныхъ представителей, а Баба-Джанъ-бекъ ссылался на утвержденіе его въ должности правителя Мерва самимъ «ярымъ падшахомъ»[79]), генераломъ

[79]) Сообственно „полу-царь, вице-король“, въ переводѣ съ тюркскаго. Такъ туземцы Средней Азіи называютъ Туркестанскихъ генералъ губернаторовъ.

Черняевымъ. Показалъ даже бумагу, подписанную послѣднимъ въ Петро-Александровскѣ 22 апрѣля 1883 года, за № 28.

При дальнѣйшемъ объѣздѣ Алихановымъ кочевій интересенъ былъ услышанный имъ отзывъ Мурадъ бая за себя и за управляемое имъ племя Бекъ.

—«Русскіе меня не знаютъ, говорилъ Мурадъ бай, я не ѣздилъ къ нимъ за подачками, но я отъ души желаю прихода ихъ сюда въ интересахъ Мервскаго народа, которому нужны порядокъ и спокойствіе. Мнѣ нечего подготовлять свое племя: оно давно уже готово принять русскихъ. Скажи, и мы въ точности исполнимъ твои приказанія. Идите лишь скорѣе сюда и сотрите съ лица земли врага вашего Кара-Кули хана съ его несчастнымъ Баба-Джаномъ. Кара-Кули-ханъ хотя и присягалъ русскимъ, но получаетъ жалованье отъ англичанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проѣдаетъ и хивинское содержаніе, отпускаемое Баба-Джанъ беку[80]).

Едва ты его оставилъ, какъ онъ распустилъ про тебя слухъ, что ты самозванецъ и никѣмъ не присланъ. Счастье, что Кара Кули оставленъ народомъ, иначе старый аламанщикъ былъ-бы причиною междуусобной войны среди самихъ мервцевъ».

Послѣднее посѣщеніе Алихановъ сдѣлалъ матери Мамедъ-Юсуфъ хана, Гюль-Джемаль, вдовѣ Геокъ-тепинскаго героя Нуръ-Верды-хана. Къ ней пришлось особенно спѣшить потому, что Гюль-Дже-

---

[80]) По 4000 рублей въ мѣсяцъ.

маль дала знать Алиханову, что къ ней явилось три англійскихъ агента съ прокламаціями. Они увѣряли, будто 60.000 англичанъ выступили изъ Герата и подходятъ къ Мерву.

При Алихановѣ эти агенты были схвачены; они оказались афганцами, сторонниками Эйюбъ хана. Ихъ выдали Алиханову и Махдумъ Кули-хану, которые и отправили ихъ въ Асхабадъ[81])

При Гюль Джемаль, помимо Мамедъ-Юсуфъ-хана, проживалъ и братъ ея Муга Кази-ханъ. На общемъ совѣтѣ съ этой семьей рѣшено было для обсужденія Мервскихъ дѣлъ собрать *генгешъ*, т. е. старшинъ всѣхъ племенъ и родовъ. Расходы по этому созыву брала на себя Гюли-Джемали.

Въ день новаго года (1 января 1884 года) народное собраніе было открыто, съѣхались всѣ старшины и почетныя лица. Не пріѣхали лишь Кара Кули-ханъ и Баба-Джанъ бекъ.

Алихановъ повторилъ многолюдному собранію все то, что онъ говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ ханамъ и старшинамъ, прибавивъ при этомъ, что въ случаѣ ихъ подданства Россіи религія останется неприкосновенною.

— «Одна пятая часть подданныхъ Бѣлаго Царя—мусульмане, говорилъ Алихановъ, и они встрѣчаютъ тѣмъ большее уваженіе къ себѣ, чѣмъ крѣпче держатся

---

[81]) Одинъ изъ нихъ оказался афганскимъ офицеромъ, двое рядовыми; содержались нѣкоторое время въ Асхабадѣ подъ стражею, а потомъ были высланы въ гор. Кизляръ, Терской области, откуда въ 1885 г. высланы въ Персію

своей религіи. Мой отецъ служилъ русскимъ 40 лѣтъ, я служу уже двадцать, и мы, слава Богу,—мусульмане а такихъ, какъ мы,—тысячи на русской службѣ. Обсудите сейчасъ мои предложенія и да поможетъ вамъ Богъ придти къ единогласному соглашенію и отвлечь отъ народа вашего грозу, готовую разразиться надъ его головами тысячью несчастій!».

Послѣ этихъ словъ Алихановъ оставилъ собраніе. Чрезъ три четверти часа его позвали выслушать отвѣтъ. Уполномочили говорить Махдумъ Кули хана.

— «Мервскій народъ безусловно принимаетъ русское подданство, обязуется выдать всѣхъ плѣнныхъ, возвратить-же награбленный скотъ затрудняется, ибо онъ или съѣденъ, или проданъ. При этомъ мервцы просятъ объ амнистіи всѣхъ провинившихся до сего времени, для управленія-же собою желаютъ имѣть русскаго начальника, о чемъ напишутъ вслѣдъ за симъ всеподданнѣйшее прошеніе. А для подачи его пошлютъ въ Асхабадъ четырехъ хановъ и двадцать четыре старшины, по одному отъ каждой больш й канавы[82]»).

Дѣйствительно, въ тотъ же день прошеніе было изготовлено. Плѣнныхъ персіанъ выдали, стали являться къ Алиханову съ повинною и аламанщики.

9 января Алихановъ съ депутаціею и плѣнными выѣхалъ изъ Мерва, 11 благополучно прибылъ къ отряду Муратова

---

[82]) Всѣ племена туркменъ Мерва разселены на отводахъ-каналахъ отъ р. Мургаба, причемъ наиболѣе значительнымъ родамъ принадлежатъ и большіе оросительные каналы.

въ Кары-Бендъ[83]), а 25 января въ Ашхабадъ, гдѣ ханы и старшины вручили генералъ лейтенанту Комарову слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя.

«Во имя Господа Бога, покровителя рабовъ!

Всепресвѣтлѣйшему, Всевысокому Его Величеству Императору Александру Третьему, Великому Государю, Бѣлому Царю нашему, отъ живущихъ въ Мервѣ улемовъ, эмировъ и простыхъ смертныхъ[84]) всеподданнѣйшее прошеніе.

Уже нѣсколько времени тому назадъ мы желали подчиниться волѣ Твоей, но при всѣхъ стараніяхъ нашихъ не могли склонить къ тому своихъ воронъ и грабителей. По прибытіи-же къ намъ согласно приказанія начальника Закаспійской области, генерала Комарова, штабсъ-ротмистра Алиханова и маіора Махдумъ-Кули хана, мы, народъ Теке, сего 4 числа мѣсяца Раби-улъ-Эввеля 1301 года Хиджры[85]) собрались къ племени Нуръ-Верды-хана, гдѣ выслушали слова штабсъ-ротмистра Алиханова и приняли таковыя къ свѣдѣнію. Послѣ того, посовѣтовавшись между собою, мы пришли къ единодушному заключенію, на которомъ и основываемъ слѣдующія наши просьбы:

---

[83]) Все приведенное здѣсь о пребываніи Алиханова въ Мервѣ взято изъ рапорта генерала Комарова кн. Дондукову-Корсакову отъ 17 фев. 1884 г., № 917.

[84]) Собственно въ Мервѣ не было никакихъ ни улемовъ (высшихъ духовныхъ лицъ), ни эмировъ (князей), и эти слова включены просто для красоты слога.

[85]) 1 января 1884 года.

1) «Всѣ мы, улемы, эмиры и простые обыватели, переходимъ въ Твое подданство и съ сего числа отдаемъ себя подъ Твою высокую власть, уповая, что на насъ будутъ распространены Твои благоволенія и милости. Молимъ Господа Бога о дарованіи Тебѣ благоденствія, а намъ помощи, чтобы мы были вѣрными Твоими подданными!

2) Просимъ о назначеніи въ Мервъ начальника съ властью наказывать преступниковъ и содѣйствовать добрымъ людямъ. Всѣхъ посылаемыхъ отъ Тебя людей и передаваемыя черезъ нихъ приказанія и слова мы примемъ съ истинною преданностью, предлагая для службы и всѣхъ всадниковъ, и прислугъ, сколько таковыхъ понадобится.

3) Просимъ помилованія нашимъ врамъ и грабителямъ за грѣхи ихъ, совершенные до сего дня. Повторять ихъ послѣ этого они не будутъ.

4) Настоящее наше прошеніе для вручевія начальнику Закаспійской области, генералу Комарову, посылаемъ чрезъ штабсъ-ротмистра Алиханова съ четырьмя ханами отъ всѣхъ племенъ, по одному отъ каждаго, именно: отъ племени Векиль—Мамедъ-Юсуфъ-хана, сына Нуръ-Верды-хана; отъ племени Бекъ Мурадъ хана, сына Арбабъ-Бая; отъ племени Сычмазъ—Оразъ Майлы-хана, сына Берды-Ніазъ-хана, и отъ племени Бахши Сары—Батыръ хана, сына Чары-Бая.

При нихъ двадцать четыре старшины, сообразно распредѣленія оросительныхъ канавъ, т. е. по одному старшинѣ отъ каждой большой канавы.

Эти лица—наши уполномоченные. Мы ихъ благословили на вышедолженное дѣло, въ удостовѣреніе чего приложили къ сему прошенію наши печати.

Затѣмъ да будетъ надъ Тобою благословеніе Божіе!»[86])

Подъ прошеніемъ было приложено 173 подписи и печати.

31 января въ домѣ командующаго войсками состоялся торжественный пріемъ генералъ лейтенантомъ Комаровымъ депутаціи отъ Мервскаго народа; присутствовали всѣ чины областного штаба и начальники отдѣльныхъ частей войскъ, расположенныхъ въ Асхабадѣ.

По прочтеніи вышеупомянутаго прошенія на имя Государя Императора, генералъ Комаровъ объявилъ мервцамъ, что Его Величество соизволилъ на принятіе въ свое подданство Мервскихъ туркменъ, причемъ объяснилъ подробно всѣ тѣ требованія, которымъ мервцы должны будутъ подчиняться. Кардинальныя положенія всѣхъ условій подданства были изложены Мервскому народу генераломъ Комаровымъ въ такихъ выраженіяхъ.[87])

1) «Великій Государь Императоръ Рус-

---

[86]) Оригиналъ прошенія не находится въ дѣлахъ, есть лишь каллиграфически написанный переводъ этого прошенія (въ дѣлѣ № 19 1884—86 г., стр. 47). Сгладивъ лишь погрѣшности противъ русскаго языка и исправивъ нѣкоторыя выраженія, привожу его здѣсь почти безъ измѣненія.

[87]) „Приказаніе начальника Закаспійской области и командующаго въ оной войсками ханамъ, старшинамъ и всему народу Мервскому племенъ Отамышъ и Тохтамышъ“, приложенное на отдѣльномъ листѣ къ вышеназванному рапорту Комарова отъ 17 февр. 1884 г., № 917.

скій, снисходя къ прошенію вашему, поданному четырьмя ханами и двадцати-четырьмя избранными народомъ старшинами, по одному отъ каждой большой канавы, всемилостивѣйше соизволилъ принять въ свое подданство всѣхъ туркменъ (племянъ) Огамышъ и Тохтамышъ, живущихъ въ Мервѣ и на Теджентѣ.

2) Вѣроисповѣданіе ваше останется неприкосновеннымъ. Къ этому вопросу не требуется никакихъ разъясненій. Всему свѣту извѣстно, что милліоны мусульманъ, подданныхъ Великаго Государя, никогда не были стѣсняемы въ свободномъ отправленіи обрядовъ своей вѣры.

3) Для устройства порядка и утвержденія управленія въ Мервъ переходитъ русскій отрядъ войскъ и располагается на мѣстѣ, которое будетъ избрано.

4) Для общаго управленія народомъ назначается русскій офицеръ. Ближайшее завѣдываніе каждымъ изъ четырехъ племенъ Мерва остается за настоящими ханами, которые поступаютъ на службу Государю Императору, за что назначается имъ приличное жалованье отъ Его Величества. Порядокъ замѣны настоящихъ хановъ опредѣлится впослѣдствіи. Но никто больше не будетъ назначенъ вновь ханомъ иначе, какъ по представленію начальника области.

5) По всѣмъ дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ между собою и съ туркменами Ахала и Теджена оставляется судъ по вѣрѣ и обычаямъ народнымъ, подъ руководствомъ начальника Мервскаго округа чрезъ посредство судей, выбранныхъ народомъ.

6) Виновные въ измѣнѣ, разбоѣ, грабежѣ и другихъ уголовныхъ преступленіяхъ противъ русскихъ и казеннаго имущества судятся и наказываются по русскимъ законамъ.

7) Захватъ въ плѣнъ кого-бы то ни было и продажа людей, на будущее время строго воспрещается.

8) Во всемъ остальномъ туркмены Мерва и Теджена пользуются правами русско подданныхъ и несутъ обязанности къ правительству наравнѣ съ ними.

9) Теперь же возлагается на населеніе Мерва обязанность, какъ только настанетъ удобное время, очистить всѣ колодцы на главныхъ караванныхъ дорогахъ въ Хиву и Бухару, до предѣловъ этихъ ханствъ, и отвѣтственность за безопасное слѣдованіе каравановъ какъ по этимъ дорогамъ, такъ и въ Персію и Афганистанъ до границы Мерва.

10) О числѣ фераджіевъ[88]), какое жители Мерва должны будутъ дать для службы при начальникѣ[89]) и ханахъ, будетъ приказано впослѣдствіи, когда опредѣлится дѣйствительная въ нихъ надобность».

Затѣмъ представителями Мервскаго народа была принесена торжественная присяга на вѣрность Россіи. По окончаніи обряда генералъ Комаровъ объявилъ именемъ Государя прощеніе всѣмъ аламанщикамъ.

Къ князю Дондукову-Корсакову въ Петербургъ[90]) былъ отправленъ съ подробнымъ письменнымъ донесеніемъ о

---

[88]) Миссіонеровъ, странниковъ.

[89]) Мервскаго округа

[90]) Князь вообще часто ѣздилъ въ Петербургъ, повидимому, не столько для дѣлъ, сколько для пріятнаго отдохновенія.

происшедшемъ полковникъ Муратовъ, который, кромѣ того, представилъ тогдашнему главноначальствующему на Кавказѣ свѣдѣнія о Сіапушѣ и его агентахъ, о Кары бендской плотинѣ, списокъ пріѣхавшихъ въ Асхабадъ уполномоченныхъ отъ мервцевъ и присяжный листъ.

Депутація прожила въ Асхабадѣ до 13 февраля. На ея угощеніе и вообще на пріемъ было израсходовано 1171 рубль 71 коп. Администрація Асхабада для такого экстраординарнаго случая расщедрилась, особенно, если сравнить тѣ подачки, какія выдавались «на прокормленіе» пріѣзжавшимъ до этого событія въ Асхабадъ мервцамъ; при генералѣ Рербергѣ, напримѣръ, выдавали коп. по 50 въ сутки, при генералѣ-же Комаровѣ—1 рубль —1 рубль 50 коп. на человѣка. Это пріѣзжавшимъ-то за сотни верстъ выразить свою преданность Россіи!

Князь Довдуковъ-Корсаковъ, вѣроятно, польщенный такъ быстро совершившимся фактомъ присоединенія богатѣйшаго въ Средней Азіи оазиса къ русской коронѣ, телеграфировалъ въ Тифлисъ управляющему своей канцеляріей [91]) о высылкѣ въ распоряженіе генерала Комарова двадцати пяти серебряныхъ медалей, съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ. При медаляхъ посылалось 25 аршинъ станиславской ленты. Это была первая награда представителямъ мервской депутаціи за то, что они привели свою страну

[91]) Письмо управляющаго канцеляріею главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ на имя А. В. Комарова отъ 8 февраля 1884 г., № 1127, въ дѣлѣ № 19/1884—86 г. стр. 31.

и свой народъ въ Русское подданство.

Удивительно только, за кого принимали въ Петербургѣ мервцевъ, видавшихъ «превръвный металлъ» англичанъ, бархатъ и парчу афганцевъ, персіанъ и хивинцевъ?!

Генералъ Комаровъ вручилъ 24 медали старшинамъ депутаціи, а четыре хана, входившіе въ составъ послѣдней, вскорѣ были произведены въ капитаны милиціи.

13 февраля мервская депутація выѣхала изъ Асхабада, а спустя нѣсколько дней послѣ этого оттуда выступилъ отрядъ для занятія Мерва. Старшинамъ всѣхъ туземныхъ селеній, лежащихъ на пути слѣдованія войскъ, было предписано отряду «оказывать всякое содѣйствіе и удовлетворять законныя требованія начальствующихъ лицъ». Во главѣ отряда находился генералъ Комаровъ. Въ качествѣ личнаго проводника послѣдняго сопровождалъ дипломатическій чиновникъ въ Дере гевѣ Яхъя Бекъ Таировъ[92]; кромѣ того, въ свитѣ генерала былъ находившійся проѣздомъ въ области камеръюнкеръ Чарыковъ[93]) и инженеръ путей сообщенія Лессаръ.

Впередъ отряда въ Мервъ былъ посланъ Алихановъ съ конвоемъ для выясненія настроенія мервцевъ и для увѣщанія ихъ мирно подчиниться Россіи,

---

[92]) Впослѣдствіи младшій чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ Закаспійской области, умершій въ 1902 году.

[93]) Теперешній чрезвычайный посолъ въ Константинополь.

[94]) Излагаю слѣдующія строки по письму Алиханова генералу Комарову отъ 26 февраля 1884 года (въ дѣлѣ № 19).

въ случаѣ если-бы неспокойные элементы населенія вздумали взяться за оружіе[94]). Но опасенія не сбылись и населеніе Мерва оставалось вполнѣ спокойно. Одна часть его, старшины и вообще вліятельные люди, собирались съ почетомъ встрѣтить подходившій отрядъ русскихъ, другая мирно занималась своими дѣлами, приготовляясь по возможности дороже сбыть войскамъ свои продукты. Нѣкоторые распространяли было слухъ, что Баба-ханъ, сынъ вліятельнѣйшаго Коушутъ-хана, оскорбленъ возвышеніемъ своего сородича Мурадъ хана и затѣваетъ враждебную встрѣчу. Алихановъ написалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что не хочетъ вѣрить никакимъ слухамъ, пока лично отъ него не услышитъ о его намѣреніяхъ. Въ отвѣтъ на это письмо Баба ханъ лично явился къ Алиханову въ своемъ коронаціонномъ халатѣ и съ золотою медалью на шеѣ и убѣдилъ его въ своей искренней преданности Россіи, прибавивъ при этомъ, что ровно ничего не имѣетъ противъ признанія Мурадъ-хана ханомъ его племени и что всѣ роды будутъ исполнять безпрекословно требованія русскихъ и будутъ вѣрнѣйшими слугами Бѣлаго Царя. Все это подтвердилъ и мнимый соперникъ Баба-хана Мурадъ-ханъ. Доброхоты и сторонники Кара Кули хана,—а такихъ было очень мало,—не такъ давно враждебно относившіеся къ русскимъ, примкнули къ Баба-хану и, повидимому, совершенно искренно, убѣдившись и въ своемъ одиночествѣ, и въ томъ, что народныя массы желаютъ мира и

окончательно склоняются на сторону Россіи.

«Вообще въ настоящую минуту я болѣе, чѣмъ когда либо убѣжденъ, что русскій отрядъ вступитъ въ Мервъ мирно и торжественно, какъ въ любую русскую провинцію», писалъ, между прочимъ, Алихановъ изъ селенія Топазъ шедшему въ Мервъ генералу Комарову.

Благополучно подвигаясь впередъ, отрядъ послѣдняго прибылъ, наконецъ, къ границамъ Мервскаго оазиса, въ Карибъ-Ата. 28 февраля сюда явился Алихановъ съ конвоемъ и самыя почетныя лица и всѣ старшины мервскихъ племенъ, въ числѣ около 400 человѣкъ. Во главѣ ихъ находился Баба-ханъ; пока нашъ отрядъ приближался къ Мерву, Баба-ханъ разъѣзжалъ по кочевьямъ и убѣждалъ мервцевъ подчиниться русскимъ безъ какого-либо противодѣйствія. Они заявили, что населеніе спокойно ждетъ приближенія русскаго отряда и что главные виновники смуты Баба Джанъ-Бекъ и Кара-Кули-ханъ выѣхали въ Хиву. Еще раньше этого отправился туда и Муса́ ханъ, хивинскій правитель сарыковъ. Стало извѣстно, что послѣ выѣзда изъ Мерва Алиханова и Махдумъ-Кули хана съ депутаціею Сіапушъ, явившись въ Мервъ изъ Іолъ-Огана съ Каджаръ-ханомъ, сталъ подстрекать мервцевъ убить Алиханова и Махдумъ Кули-хана при вторичномъ ихъ посѣщеніи Мерва. Вообще Сіапушъ велъ усиленную пропаганду вооруженнаго сопротивленія русскимъ и, повидимому, не допускалъ мысли, что русскіе могутъ безъ боя занять Мервъ съ его колоссальной

твердыней, какою была Коушутъ Хана-Кала.

Дѣйствительно, къ вечеру того же дня[95]) вблизи отряда появилась вооруженная толпа болѣе тысячи человѣкъ; какъ оказалось впослѣдствіи, этотъ сбродъ былъ собранъ на базарѣ агентами Сіапуша, афганцемъ Ахмедъ-шахомъ и мервцевъ Каджаръ - ханомъ. Ханы и старшины, бывшіе при отрядѣ, стали уговаривать толпу разойтись и ничего безразсуднаго не предпринимать. Половина скопища, послушавшись уговоровъ, разошлась, другіе же стали подходить къ бивуаку, намѣреваясь начать схватку, но послѣ перестрѣлки съ туркменами-милиціонерами разошлись.

На слѣдующій день отрядъ перешелъ къ селенію Абдалъ Топазъ и расположился на ночлегъ среди кочевьевъ племени Сычмазъ, гдѣ все было спокойно и, казалось, не предвѣщало никакой опасности.

Однако, вечеромъ, въ верстѣ отъ расположенія отряда, появился значекъ и при немъ толпа до ста пятидесяти человѣкъ, постоянно увеличивавшаяся. Генералъ Комаровъ приказалъ вахмистру туркменской милиціи Марганіи съ двадцатью милиціонерами разогнать толпу. Милиціонеры были встрѣчены залпомъ. Выдержавъ его и отвѣтивъ залпомъ-же, они смѣло бросились въ атаку, убили четырехъ человѣкъ, тяжело ранили двухъ и отняли значекъ. Толпа разбѣжалась и скрылась въ ближайшихъ селеніяхъ.

---

[95]) Алиханов въ своихъ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ“ почему - то относитъ это къ 1 марта. Беру дальнѣйшія подробности изъ депеши генерала Комарова кн. Дондукову Корсакову отъ 1 марта, № 28.

За такой молодецкій подвигъ Марганія получилъ знакъ отличія военнаго ордена 3 степени, девятнадцать-же милиціонеровъ были награждены знакомъ отличія военнаго ордена 4 степени, а одинъ 2 степени.

Однако, эта неудача не охладила энергію Сіапуша и его мюридовъ и въ ночь на третье марта, когда отрядъ генерала Комарова былъ вблизи мервской твердыни Коушутъ Ханъ Калы, изъ послѣдней вышла огромная толпа и устремилась на отрядъ. Но послѣ трехъ залповъ двухъ ротъ 3 Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона мервцы бѣжали, понеся большой уронъ. У насъ-же былъ убитъ одинъ рядовой.

На другой день отрядъ перешелъ черезъ рѣку Мургабъ и занялъ безъ боя колоссальныя сооруженія Коушутъ-Ханъ Калы, съ которыхъ услужливый Бабаханъ первый распорядился снять туркменскія пушки. Населеніе успокоилось, такъ что въ тотъ-же день были открыты дѣйствія уѣзднаго управленія и приступлено къ возведенію на берегу Мургаба небольшого укрѣпленія, доминирующаго надъ внутреннимъ пространствомъ Коушутъ-Ханъ-Калы. Работали мервцы подъ наблюденіемъ сапернаго офицера Затеплинскаго[96]).

Въ ночь на шестое марта мервскіе ханы арестовали въ одномъ изъ селеній Сіапуша и Каджаръ-хана, пытавшихся

---

[96]) Нынѣ подполковникъ запаса и мировой судья въ Фортѣ-Александровскомъ.

еще разъ возмутить народъ[97]). Съ этимъ арестомъ кончилась эпоха внутреннихъ неурядицъ и смутъ среди мервцевъ и дальнѣйшее водвореніе русской гражданственности во вновь присоединенномъ обширномъ оазисѣ пошло безпрепятственно.

Первыя слова, обращенныя къ мервцамъ въ ихъ родной землѣ представителемъ русской власти, генераломъ Комаровымъ, были слова мира и прощенія.

Всѣмъ племенамъ Мерва, Огамышъ и Тохтамышъ, по родамъ ихъ Бахши, Сычмазъ, Векиль и Бекъ, объявлялось, уже въ дополненіе разосланныхъ и розданныхъ приказаній Государя Императора, что всѣ воры, разбойники, грабители и т. п. преступники за совершенныя ими по настоящее время проступки и преступленія прощены и впредь за нихъ преслѣдуемы и наказываемы не будутъ[98]).

Степь затихла, аламаны прекратились, населеніе постепенно начинало осваиваться съ русскими порядками и 21 марта изъ русскаго Мерва пошли первые торговые караваны въ Бухару, Хиву и Мешедъ, снаряженные старымъ караванъ-баши Комекъ-баемъ, чрезъ Мервъ-же направился въ Бухару и русскій караванъ Кашиныхъ, навьюченный мануфактурой.

---

[97]) Все изложено по депешѣ генерала Комарова кн. Дондукову-Корсакову отъ 7 марта 1884 г., стр. 46 въ дѣлѣ № 19/1884—86 г.

[98]) См. прокламацію ген. Комарова къ мервскому народу отъ 7 марта 1884 года въ дѣлѣ № 19/1884—86 г., стр. 37.

Привезенные въ то-же время въ Мервъ семьдесятъ пудовъ сѣмянъ американскаго хлопка были разобраны мервцами на расхватъ[99]).

Знаменательное явленіе, какъ-бы означавшее, что промышленный и земледѣльческій духъ возьмутъ въ недалекомъ будущемъ верхъ надъ отрицательными качествами мервскаго народа, сидѣвшаго на искони земледѣльческой, благословленной Богомъ землѣ!

Объѣхавъ селенія и кочевья и убѣдившись въ спокойствіи населенія и въ полномъ повиновеніи его тѣмъ или другимъ приказаніямъ, генералъ Комаровъ отправилъ въ Асхабадъ 28 марта колонну въ двѣ роты, дивизіонъ горной артиллеріи, освобожденныхъ изъ плѣна персіанъ (которыхъ оказалось еще 80 человѣкъ) и арестованнаго Сіапуша съ его мюридами: Каджаръ ханомъ, Ахмедъ-шахомъ, Азизъ-ханомъ, Султанъ Махмудомъ 1, Султанъ-Махмудомъ 2, Моллою Мухамедъ-Рахимомъ и евреемъ Исмаиломъ[100]).

Въ Мервѣ были оставлены четыре роты солдатъ, взводъ четвертой батареи и двѣ сотни казаковъ.

Вновь присоединенный обширный оазисъ вошелъ въ составъ Закаспійской области подъ именемъ Мервскаго округа;

---

[99]) Депеша генер. Комарова кн. Дондукову-Корсакову отъ 22 марта № 2210/2224 на листѣ 32 дѣла № 19/1884—86 г.г.

[100]) Молла Мухамедъ Рахимъ по старости лѣтъ и болѣзни былъ вскорѣ выпущенъ изъ подъ ареста и вернулся въ Мервъ, Азизъ-ханъ и оба Султана Махмуда были высланы въ Персію съ условіемъ впредь не появляться въ Закаспійской области.

первымъ начальникомъ его былъ назначенъ Алихановъ, невадолго передъ тѣмъ произведенный въ чинъ маіора.

Въ томъ-же году и въ слѣдующемъ (1885) въ составъ Мервскаго округа вошли еще Іолъ-Оганъ и Пенде, населенные родственнымъ мервцамъ племенемъ сарыковъ.

Движеніе русскаго отряда къ Мерву дало понять іолъ отанскимъ сарыкамъ, что время безначалія и раздоровъ проходитъ безслѣдно, и они послали депутацію къ русскимъ принять ихъ въ подданство. Инженеръ Лессаръ и Махдумъ Кули-ханъ, отправленные генераломъ Комаровымъ въ концѣ февраля 1884 года въ Іолъ-Оганъ, нашли среди туземцевъ радушный пріемъ и искреннее желаніе сдѣлаться русскими подданными. Не дожидаясь просьбы со стороны русскихъ посланцевъ, іолъ отанцы схватили агитировавшаго среди нихъ самаго выдающагося агента Сіапуша—Ахмедъ-шаха и передали его Лессару и Махдумъ-Кули хану[101]).

Когда-же генералъ Комаровъ прибылъ въ Мервъ, вліятельный глава іолъ-отанскихъ сарыковъ Сары-ханъ явился съ двѣнадцатью соплеменниками къ генералу Комарову и просилъ принять Іолъ-Оганъ подъ высокое покровительство Россіи на тѣхъ-же основаніяхъ, что и Мервъ. Депутаціи было предложено пріѣхать въ Асхабадъ съ прошеніемъ на

---

[101]) Письмо Махдумъ-Кули-хана генер. Комарову изъ Іолъ-Отана отъ 5 марта 1884 года, въ дѣлѣ № 19, стр. 39.

Высочайшее имя[102]). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Сары ханъ и старшины іолъ-отанскихъ родовъ прибыли въ Асхабадъ и принесли присягу на вѣрность Россіи. Іолъ-Отанъ подъ именемъ приставства съ тѣмъ же названіемъ вошелъ въ составъ Мервскаго округа.

Оставалась очередь за Пендинскимъ оазисомъ (около 30.000 душъ населенія), уже тяготѣвшимъ, по примѣру Іолъ-Отана, къ русскимъ. Причемъ,—странное дѣло,—присоединиться къ Россіи пендинскихъ сарыковъ уговаривали и афганцы. Такъ, когда пендинскіе старшины поѣхали въ Гератъ просить себѣ обычнаго хакима[103]) то правитель Герата отказалъ имъ въ этой просьбѣ. Онъ сказалъ, что разъ русскіе заняли Мервъ и Іолъ-Отанъ, то и Пенде должно присоединиться къ Россіи по ихъ примѣру[104]).

Но тогдашнему нашему правительству, вѣроятно, грезилось мирное присоединеніе и всѣхъ странъ до Индійскаго океана и вытекающія изъ этого международныя осложненія, и потому оно медлило присоединеніемъ Пенде[105]). И Пенде было

---

[102]) Телегр. генер. Комарова генер.-адъют. кн. Довдуксву-Корсакову изъ Мерва отъ 14 марта 1884 г., въ д. № 19, стр. 51.

[103]) Хакимъ въ перев. съ арабскаго—правитель, губернаторъ. Пенде управлялось афганскимъ правителемъ, присылавшимся изъ Герата.

[104]) Рапортъ начальника Закаспійской области и. д. начальника Мервскаго округа, маіора Алиханова отъ 6 апрѣля 1884 года, № 91, въ дѣлѣ № 19, стр. 76.

[105]) Въ то время, когда происки англичанъ, хивинцевъ и афганцевъ клонились къ недопущенію русскаго вліянія въ Мервъ, къ прише-

вскорѣ занято афганскими войсками.

шимъ въ Закаспійскій край „урусамъ“ начиналось серьезное тяготѣніе со стороны разнообразныхъ народностей южной Азіи. Пригранничныя съ Мервомъ племена Афганскаго Туркестана настойчиво просились въ русское подданство, спасаясь отъ притѣсненій афганскаго правительства. Даже среди афганцевъ замѣчалась глубокая симпатія къ Россіи и полученный въ Асхабадѣ списокъ 300 афганскихъ купцовъ, стремившихся завязать съ Россіей тѣсныя торговыя сношенія, служилъ наглядным тому доказательствомъ. Воинственные горные кланы Пешаверскаго округа выражали сильное желаніе стать подъ покровительство Россіи, дикіе афридіи представляли оберегаемый ими важный въ стратегическомъ отношеніи Хайберскій проходъ въ распоряженіе русскаго правительства. Слали привѣтъ и желаніе быть исполнителями русскихъ приказаній и богатые и вліятельные индійскіе раджи, вслѣдъ за ними тянулись къ русскимъ и „бѣдные жители Индіи“, писавшіе въ Асхабадъ письма на непонятномъ тогда здѣсь нарѣчіи „урду“ съ трогательными адресами на персидскомъ языкѣ. Но закаспійскія власти вмѣсто того, чтобы отнестись съ большимъ вниманіемъ ко всѣмъ такимъ заискиваніямъ, или оставляли ихъ безъ послѣдствій, или доносили о нихъ „по начальству“, въ Петербургъ и Тифлисъ. А тамъ все это прочитывали и..... пришивали къ дѣлу. Исконная болѣзнь Англіи и полное неумѣніе использовать благопріятныя обстоятельства даннаго момента всегда служили руководящимъ принципомъ нашей внѣшней политики въ Средней Азіи. И потому людей, являвшихся за покровительствомъ къ русскимъ, по довѣренности своихъ соплеменниковъ, обыкновенно снабжали грошами „на пропитаніе“, а затѣмъ отпускали на всѣ четыре стороны. „Мало-ли,—молъ,—здѣсь шатается такихъ проходимцевъ“. Увѣренность же одного изъ пограничныхъ съ Закаспіемъ племенъ въ могуществѣ Россіи, справедливости и великодушіи Бѣлаго Царя была причиною страшныхъ бѣдствій этого народа. Я разумѣю мейменяй-

Происшедшій въ 1885 году всѣмъ извѣстный бой на Кушкѣ отдалъ въ наше владѣніе этотъ оазисъ и послѣдній былъ включенъ въ составъ Мервскаго округа подъ именемъ Пендинскаго приставства. Этимъ и закончилось присоединеніе къ Россіи обширнаго и плодороднаго края, повитаго легендами изумительной древности и взлелѣяннаго многими славными эпизодами изъ историческаго прошлаго Востока.

Четверть вѣка, отдѣляющіе насъ отъ того момента, когда русскій отрядъ 3 марта 1884 года впервые занялъ Мервъ, ее прошли безслѣдно надъ тѣми лицами, которыя совершали исторію присоединенія Мерва. Изъ нихъ «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече». Одни оказались возвеличены судьбой, другія принижены.

Инженеръ генералъ П. Ѳ. Рербергъ нынѣ въ чинѣ полнаго генерала состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта, его бывшая правая рука по управленію Закаспіемъ, полковникъ баронъ Аминовъ умеръ, «приложились къ отцамъ» и генералъ А. В. Комаровъ, и М. М. Лессаръ бывшій первый начальникъ Мервскаго округа, маіоръ Алихановъ, дважды разжалованный въ рядовые, послѣднее время въ чинѣ генералъ маіора усмирялъ «кавказскую революцію» и погибъ отъ руки мстительныхъ «товарищей».

Гюль-Джемаль, богатая и вліятельная ханша, достигла «старости честной»

цевъ. Ужасы кровавой расправы съ ними афганцевъ отвратительны даже съ точки зрѣнія ничему не удивляющагося и безстрашнаго Востока.

(около 70 лѣтъ) и живетъ на земляхъ Государева Мургабскаго имѣнія, получая отъ русскаго правительства пожизненную пенсію; ея по европейски построенный домикъ спеціально для пріема различныхъ административныхъ лицъ, заѣзжающихъ въ раіонъ мѣстожительства ханши, до сихъ поръ славится радушнымъ пріютомъ и гостепріимствомъ. Ея сынъ Мамедъ-Юсуфъ ханъ, произведенный въ нынѣшнемъ году, въ виду 25-лѣтія со дня присоединенія Мерва въ подполковники милиціи, сталъ совсѣмъ европейцемъ, вкусивъ отъ древа цивилизаціи плоды познанія добра и зла. Пасынокъ ханши, Махдумъ-Кули - ханъ, произведенный въ этомъ году по случаю 25 лѣтъ, истекшихъ со дня присоединенія къ Россіи Мерва, въ полковники, по образованіи Тедженскаго уѣзда былъ сдѣланъ начальникомъ послѣдняго. Нынѣ онъ проживаетъ, находясь въ отставкѣ, на своей оросительной канавѣ въ отселкѣ изъ селенія Бекурма въ Асхабадскомъ уѣздѣ. Въ 1906 году былъ депутатомъ отъ туземнаго населенія Закаспійской области въ первой Государственной Думѣ. Майлы ханъ умеръ лѣтъ тринадцать тому назадъ. Его братъ былъ опредѣленъ въ кадетскій корпусъ, но, пристрастившись къ куренію опіума, былъ исключенъ изъ корпуса и умеръ самымъ жалкимъ и заброшеннымъ туркменомъ-теріакешемъ. Кара-Кули-ханъ умеръ четыре года тому назадъ простымъ сельскимъ старшиною. Баба-ханъ, сынъ знаменитаго Коушутъ-хана, въ текущемъ году произведенный по случаю 25 лѣтъ

присоединенія Мерва въ поручики милиціи, ослѣпъ и проживаетъ въ родномъ селеніи, получая 36 рублей пенсіи. Майоръ милиціи, Сары-Батыръ-ханъ здравствуетъ доселѣ, получая по 1200 рублей въ годъ пенсіи изъ государственнаго казначейства. Понятно, что прежне вліяніе ихъ на народныя дѣла безвозвратно утрачено.

Сіапушъ и его вѣрные мюриды, Ахмедъ шахъ и когда то вліятельный среди мервскаго народа Каджаръ ханъ, были признаны весьма вредными для народнаго спокойствіи людьми [106]) и потому было испрошено Высочайшее соизволеніе о высылкѣ Сіапуша и Ахмедъ-шаха на жительство въ одну изъ сѣверныхъ губерній Россіи, а Каджаръ-хана въ одну изъ внутреннихъ губерній, гдѣ нѣтъ мусульманскаго населенія. Для первыхъ двухъ мѣстомъ ссылки была назначена Новгородская губернія, а для Каджаръ хана—Калужская, куда всѣ эти лица и были отправлены. Но ни Сіапушу, ни Каджаръ хану не суждено было жить среди непривычной для нихъ сѣверной природы. Каджаръ-ханъ вскорѣ по прибытіи на мѣсто ссылки умеръ въ Тарусѣ (8 сентября 1885 г.), а загадочная личность

---

[106]) Сіапушъ, между прочимъ, находясь въ асхабадской гауптвахтѣ, продолжалъ пропагандировать между своими товарищами по заключенію идеи безусловнаго неповиновенія русскимъ и взялъ клятву съ Каджаръ-хана, что если они такъ или иначе выйдутъ изъ тюрьмы, будутъ по прежнему дѣйствовать противъ русскихъ (см. рапортъ начальн. Мервскаго округа начальн. Закасп. области отъ 21 сент. 1884 г. № 589 въ дѣлѣ № 19 (стр. 148).

скрывавшаяся подъ ничего не значущимъ именемъ Сіапуша, и совсѣмъ не достигла Новгородской губерніи. На пути туда, находясь въ Астраханской пересыльной тюрьмѣ, Сіапушъ скончался 5 іюля 1885 года отъ воспаленія брюшныхъ органовъ.

Жалкое имущество, оставшееся послѣ покойника, было продано съ аукціона и вырученныя деньги въ суммѣ 1 рубля 52 коп. «за ненахожденіемъ родственниковъ» поступили въ депозитъ начальника Закаспійской области.

Vanitas vanitatum et omnia vanitas!

А. А. Семеновъ.

Перепечатано изъ газеты „Турк. Вѣд." за 1903 г.

*) См №№ 83, 86, 88, 90, 93, 96, 99, 102, 104, 106, 108, 110, 112, 114, 116, 118, 132, 139, 145, 149, 160, 168, 173, 177, 179, 182, 183 и 184.

Тип. при канц. Турк. Ген.-Губ.